

Колыбельная

Павел Некрасов

Павел Некрасов

Колыбельная

<https://litres.ru/72294565>

SelfPub; 2026

Аннотация

Катя Малахова беззаботно живет, отдыхает в кругу друзей, готовится поступать в институт. Но привычная жизнь рушится после гибели родителей. Для сестер Малаховых, вчерашней школьницы и трехлетней Сони, наступают трудные времена. Их пытаются разлучить. Старые друзья покидают, у родни свои планы на будущее. Проблемы и неурядицы наваливаются на Катю. Но она не сдаётся, борется за сестренку, находит новых друзей и близких людей, находит любовь, находит счастье. Житейские бури пронесутся над ней и отступят перед спокойной силой любви.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	11
Глава 2.	72
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Павел Некрасов

Колыбельная

Пролог

Катя проснулась на рассвете. Артем стоял возле окна, держал на руках сына и говорил вполголоса:

– Киса-киса-киса! Киса важная-важная! Красивая-красивая! Киса ходит, мышку ищет.

Сынишка гукал и протягивал руки к окну. Они смотрели на кошку во дворе.

Глядя на них, она почувствовала непередаваемое словами ощущение счастья.

– Тёма, – прошептала она. – Вы почему не спите?

Он обернулся:

– Привет! Не хотели тебя будить.

Она подошла к ним, обняла и поцеловала:

– Вы уже выспались?

– И выспались! И покушали! А мама наша все спит да спит.

– Ты время видел? – улыбнулась она и утонула в его спокойных серых глазах.

В этот момент они ощущали теплое дыхание друг друга.

– Маму с папой во сне видела.

– Расстроилась? – он обнял ее еще крепче.

– Нет... Просто вспомнила. Год уже прошел. Так быстро.

После завтрака Артем ушел в гараж. В прошлом месяце они купили машину. И теперь он пропадал в гараже каждый выходной. Катя только посмеивалась: «Мы не машину купили, а вторую жену в дом взяли. Одно радует – я ее не слышу и почти не вижу».

После всех неприятностей к технике она относилась с опаской. Но над мужем только подтрунивала. Знала, еще месяц-другой и машина станет для него чем-то привычным, вроде ковра на стене или холодильника на кухне.

Вообще, после гибели родителей она сильно изменилась. Спустя год невозможно было узнать в ней избалованную девочку. Но еще сильнее изменилась ее жизнь.

После завтрака разбаловалась Соня. Бегала по комнатам и шумела погремушками. Катя стояла возле окна в спальне. В этот час ощущение счастья в ее сердце слилось с чувством нежности к близким и уверенностью, что теперь все сложится удачно. Она знала, что жизнь не может катиться без помех, как с горочки. Но тешила себя мечтами о легком и безоблачном будущем. После выпавших на ее долю горестей ей было трудно отказаться от них.

На ее руках посапывал двухмесячный сынишка. Младшая сестра счастливая и обласканная, уже забывшая о страшной потере, бегала по коридору, вызывая у нее отнюдь не раздражение, а легкую полуулыбку. А в отцовском гараже ее люби-

мый, самый близкий человек ходил вокруг машины с такой же счастливой, совершенно детской улыбкой. Катя радовалась и за него.

Она положила ребенка в кроватку и открыла семейный альбом. На его первой странице была только одна фотография. Словно кто-то подсказал отцу сделать ее в тот роковой день. И Катя не сдержала слез. Лицо мамы сияло добротой, а глаза отца были наполнены спокойной силой.

В спальню забежала Соня.

– Тише-тише, – она посадила сестренку на колени.

– Ляля спит? – Соня посмотрела на спящего ребенка и тряхнула погремушкой. – Хочу гулять!

– Ляля скоро проснется. Мы покушаем и пойдем гулять, – успокоила ее Катя. – А ты пока надень комбинезончик, который тебе дядя Коля подарил. А погремушку отдай мне! Хорошо?

Спустя полчаса она собрала детей на прогулку. С улыбкой открыла дверь подъезда. В это теплое утро ее радовало все.

– Здравствуй, Катенька! – сидевшие возле подъезда соседки оживились. – Здравствуй, Сонечка! В магазин собрались, девочки?

– Доброе утро! Соня, поздоровайся с тетеньками.

– Погода нынче такая, что грех дома сидеть! Особенно с ребятишками!

Катя улыбнулась им на прощание и покатила коляску в сторону городского парка. Соню она посадила в корзину под

коробом. Та привычно развалилась в ней с видом маленького китайского императора.

А соседки с сочувствием смотрели им вслед:

– Как же ей досталось бедненькой!

– И не говори!.. Все-таки она – молодец! И сестренку не бросила! И сама родила.

– На мать так похожа. Та ведь тоже была тоненькая, как тростиночка! Черноглазая... Господи, почему хорошие люди так рано уходят?!

И умолкли, вспомнив ее родителей.

На рассвете Николаю Андреевичу Шугурову тоже привиделись во сне погибшие друзья.

– Проведаю их сегодня, – сказал он супруге за завтраком.

– Только не знаю, то ли сейчас заехать, то ли после обеда?

– Да ведь недавно ездили, – заметила та.

Шугуров подошел к окну:

– Если бы зима была, сказал бы: к снегу приснились. А то лето! Какое же нынче лето Господь дал! Благодарь.

Малаховых Николай Андреевич любил как родных. И после гибели за их детьми присматривал, как за своими.

Он все же решил помянуть их с утра. Постоял возле гранитного обелиска с высеченными портретами друзей. Склонился над ним, поправил цветы в резном вазоне и прошептал:

– Мы вас помним. Но как же мне жаль, что вы не увидели

всего этого. Не увидели внука своего, своего зятя. Как мне жаль, дорогие вы мои... Соня подрастает. А у Кати все хорошо. Она счастлива.

Он обернулся. Шел к могиле Малаховых Сергей Назарович Фесенко. Год назад, возвращаясь от него, они и попали в аварию.

Фесенко пожал ему руку и прикоснулся к могильной плите. Они были одного возраста. Но Шугуров был высоким и мощным, а Фесенко сухопарым человеком среднего роста.

– Не думал встретить тебя.

– Совпало, – коротко ответил Фесенко. – Как девочки?

– Хорошо. Кате сейчас забот хватает. Сам понимаешь – дети... Как дела, Сергей?

– Неплохо. Дети здоровы. С женой – порядок. Это не Галя там?

Шугуров обернулся и увидел жену. Она подошла к ним, улыбнулась Фесенко:

– Сережа, привет! Передумала, тоже решила проведать.

– Дай-ка я тебя поцелую, – улыбнулся Шугуров.

– Как тихо, – прошептала она.

Так и простояли они пару минут в тишине.

– Мне пора. Всего доброго!

Фесенко пожал Шугурову руку, Галю поцеловал на прощание.

После его ухода они задержались еще недолго, потом тоже уехали по делам.

Утро было таким теплым и солнечным, а Катя выглядела такой счастливой, что прохожие невольно улыбались ей.

Солнце прыгало на ветровых стеклах. Из машин доносились обрывки песен. Небо над городом было высоким без единого облачка. В его выси медленно остывал молочный след реактивного лайнера.

Вскоре начался парк. Соня выбралась из корзины и побежала впереди коляски. Катя приветливо улыбалась знакомым, останавливалась перекинуться парой слов с подругами. На скамейках отдыхали родители с детьми и пенсионеры. Над парком серебряными колокольчиками звенели детские голоса.

Вдалеке разливался радостный собачий лай. По неписанному правилу родители с детьми отдыхали в этой части парка, а хозяева выгуливали собак в дальнем конце.

– Соня! – окликнула Катя сестренку. – Далеко не убегай!

Она надолго задержалась возле небольшой поляны. Посреди нее росла молодая березка. Ветер играл с ее листьями. Катя еще раз окликнула сестренку и подкатила коляску к освободившейся скамейке. Солнце отбрасывало ажурную тень от деревьев. С обеих сторон дорожки белели вазоны на постаментах.

Для Кати это место было памятным. Даже зимой, когда парк заносило снегом, она приходила сюда с Артемом. И подолгу смотрела на это деревце. Но пока что никому не от-

крылась, что тянет ее сюда. И каждый раз ей казалось, что именно здесь она сильнее всего ощущает связь с погибшими родителями. И уже понимала, что связь эта не оборвется никогда.

На дворе стоял конец мая две тысячи четвертого года.

– Господи, как время быстро летит, – вдруг прошептала она и улыбнулась березке так, как только что улыбалась сестренке.

Глава 1.

Малахов взял со стола мобильник. Звонил однокашник.

– Здравствуй, Саша! Жду к шести. С Валею. В «Сириусе»,

– Фесенко изъяснялся в своеобразной телеграфной манере.

– Будут только свои. Давно вас не видел. Особенно Валею.

– Сережа, я тоже рад тебя слышать, – улыбнулся Малахов. – Обязательно приедем. О делах не спрашиваю, и так все понятно! Но поздравить тебя все же хочу! Недавно видел Анюту, – он имел в виду жену Фесенко. – Рад за вас! Пятый ребенок – это не шутки!

– Стараемся, – Фесенко хотел уже закончить разговор, но услышав о ребенке, переменял тон. – Ты ведь знаешь, как я сына хочу! На этот раз пацан будет! Я это точно знаю! И врачи о том же говорят. Появится у меня наследник! Девчонки девчонками. Я их люблю. Все ради них сделаю. Но парень! Это, брат, наследник! Это совсем другая история!.. Вам с Валею тоже надо сына родить! – неожиданно закрутился он. – Не забывай! Жду к шести!

– Будем, – кивнул Малахов. – Я не прощаюсь. Анюте привет!

– Передам обязательно. Всего доброго!

Малахов еще какое-то время с улыбкой смотрел на телефон. Но в тот момент, когда собрался уже позвонить жене, в кабинете появился Шугуров. Малахов работал у него по-

следние несколько лет.

– Привет, Саша, – озабоченно кивнул тот, сел за стол и побарабанил пальцами по столешнице. – Утро сегодня какое-то не такое. Все из рук валится! В Египет, похоже, пора. Или старею?

– Сорок лет – не возраст, – Малахов посмотрел на него поверх стекол очков. – С Галей поссорился?

– Милые бранятся – только тешатся. Держим друг друга в тонусе. Но ощущение с утра такое, будто жизнь пролетает мимо. Как бы не случилось чего, ей-богу.

– Шутишь?! – Малахов снял очки. – Если мимо тебя жизнь пролетает, то мы совсем не живем!

– Не то хотел сказать, – тряхнул головой Шугуров. – Но настроение паршивое! Ей-богу, как бы дрянь какая-то не случилась!

Малахов улыбнулся:

– На днях Аню Фесенко видел. Она в положении, сына ждут.

– Знаю, – кивнул Шугуров. – Сергей давно о сыне мечтает, – он на глазах погружался в работу. – Сегодня Калмыков должен позвонить по морепродуктам. Если меня не будет, сразу обговори поставку следующей партии.

– Хорошо, – Малахов сделал пометку в перекидном календаре. – Кстати, Николай, мне бы пораньше освободиться. Сергей пригласил в «Сириус» на открытие к шести часам. Ты не против?

Он знал, что между ними с год назад пробежала черная кошка.

– Нет. Отдохните как следует. Вот еще что! Когда Галя появится, скажи ей... Ничего не говори.

Малахов снова глянул на него поверх стекла и набрал номер домашнего телефона:

– Валя, я сегодня раньше приеду. Сережа Фесенко пригласил нас в «Сириус»... Да, сегодня... Да, тот самый... Да, на окраине. Так что, будь готова... Ну, я не знаю! Может, Катя посмотрит? Не все же время няньку нанимать!.. Поговори с ней... Да, конечно. Хорошо. К четырем буду. Целую...

Шугурова в кабинете уже не было. Малахов сделал в календаре еще одну пометку уже где-то на конец июня и потянулся до хруста в костях. Времени было около девяти часов утра.

Примерно в то же время проснулась старшая из его дочерей – Катя. Еще с минуту лежала без движения, разглядывая потолок. Потом с неохотой выбралась из-под одеяла и вышла в коридор.

– Мам! – крикнула, открывая дверь ванной комнаты. – Я кушать хочу!

– Здравствуй, доченька! Завтрак уже готов, – Валентина Николаевна вышла с кухни.

– Мама, сколько раз тебе говорить: не называй меня «доченькой»! – послышался капризный голос Кати. – Я уже не

ребенок!

– Для меня ты всегда будешь ребенком! – улыбнулась та.
– Катя, папа только что позвонил! Я хочу тебя попросить кое о чем, Катенька.

– Ага, давай потом поговорим, – не сразу, но все же отозвалась она.

– Хорошо, дочка, – кивнула Валентина Николаевна. – Поговорим позже.

На этот раз Катя промолчала. Через секунду сквозь шум воды послышалось ее вызывающе громкое пение. Дочь откровенно игнорировала мать. Валентина Николаевна еще немного постояла возле дверей и ушла в гостиную.

Здесь смотрела мультфильмы Соня, их младшая дочь. Малышке шел третий год. Это был подвижный, сообразительный, к тому же довольно поздний ребенок, в котором родители души не чаяли. Когда Малаховы решили завести второго ребенка, им уже было под сорок лет.

– Интересненький мультик?

– Про мышку, – ответила Соня.

Для своего возраста она говорила довольно чисто.

– Что это у нас идет? – улыбнулась Валентина Николаевна.

– «Том и Джерри»¹! Мышка-хулиганка!

Соня забралась к ней на руки, обняла:

---

¹ «Том и Джерри» (англ. Tom and Jerry), США – серия мультфильмов американских аниматоров У. Ханна и Дж. Барбера, выпускаются с 1940 г. по настоящее время в формате полнометражных фильмов, анимационных выпусков и комиксов.

– Хочу гулять!

– Сейчас пойдем, – Валентина Николаевна принялась поглаживать ее по спине. – Катю накормим и пойдем с тобой гулять!

А Катя осторожно приоткрыла дверь ванной, оглядела коридор и прошмыгнула в свою комнату. За год после окончания школы она изменилась не в лучшую сторону. Недавнее еще детское и потому простительное безразличие к интересам и проблемам других людей незаметно переросло в равнодушие. А своих родителей в последнее время она и вовсе избегала. Дни проводила с подружками, якобы усиленно готовилась к вступительным экзаменам в институт.

Внешне Катя походила на мать, хотя ни за что бы не признала этого. Такая же невысокая и стройная, черноглазая и темноволосая. Лицо у нее было не скуластое, а просто худенькое и симпатичное. Она с двенадцати лет носила очки. А когда подросла, начала пользоваться контактными линзами.

Как это принято во многих русских домах, к столу она вышла неприбранная в купальном халате и с тюрбаном из махрового полотенца. Обняла мать и выговорила ехидной фальшивой скороговоркой:

– Мамочка, я ведь тебя так люблю!

Пахло от нее цветочным мылом и влажным полотенцем. Валентина Николаевна только сказала:

– Катюша, сколько же можно говорить? Неужели тебе трудно одеться?

– Мамуля, я ведь не в гостях, – не прислушиваясь к ней, все так же выговорила дочь. – Или я так на Бабу-Ягу похожа?

– Ну что ты говоришь?! Но это дурная привычка – вот так появляться на людях.

– Мам, ты опять начинаешь?! Знаешь, как уже надоело! Семнадцать лет долбите как дятлы: не делай того, не делай этого! Надоело!

– Хорошо-хорошо. Кушай. Я больше не буду.

– На самом ведь деле надоело! – Катя еще раз выплеснула на мать раздражение.

– Мы с Соней в парк собрались, – с улыбкой сказала та. – Прогуляйся с нами.

– Нет, мы с Машкой в библиотеку идем. Мам, дай сто рублей. Мы вечером в кино ходим. В «Салюте» вторую часть про мутантов² повторять будут.

– Катя, я хотела поговорить с тобой насчет вечера... – начала Валентина Николаевна, но Катя перебила ее:

– Мам, всего сто рублей! Жалко тебе, что ли?

Они слышали, как в гостиной Соня пытается перекричать бархатный баритон телеведущего: «Здравствуйте, сегодня пятое июня две тысячи третьего года, четверг. Вы смотрите выпуск новостей на нашем телеканале...»

– Нас с папой пригласили на открытие нового магазина.

– Вот еще новость! А я тут при чем? – хмыкнула Катя.

---

² «Люди Икс 2» (англ. X2) – вторая часть франшизы, США, 2003, реж. Брайан Сингер.

– Посмотри сегодня за Соней.

– А если я не соглашусь?!

– Катя, я тебя очень прошу.

– Вы весь вечер этот магазин открывать будете, что ли?

– уже с раздражением спросила она. – Что это за праздник такой – открытие магазина?!

– Я тебя очень прошу.

– Не знаю, не знаю! – Катя бросила вилку в тарелку. – Вот мне вы наверняка вечер испортили!

– Дочка, не будем ссориться. Ты же у меня умница, – улыбнулась Валентина Николаевна.

– Перестань, – капризно произнесла Катя. – Я еще ничего не решила!

– Я знаю, что ты согласишься, – мама обняла ее и поцеловала. – Если надумаешь идти к Маше, пожалуйста, вернись к четырем часам.

Катя вышла в коридор. Из гостиной навстречу ей выбежала Соня.

– Здравствуй, малыш, – она подхватила сестру на руки. – Ты куда собралась?

– Гулять!

– Мультки смотрела сегодня?

– Мышку смотрела!

Катя рассмеялась и поцеловала сестренку так, как целовала ее только что мама.

В своей комнате она взяла журнал и снова легла. Прорбор-

мотала только с раздражением:

– Радость-то какая, весь вечер дома торчать!

В полдень она встретила с подружками. Отдыхали в кафе под навесом. Катя ела мороженое, подружки потягивали пиво. Им было скучно, даже разговаривать не хотелось. Одно радовало – оттянутся вечером на танцполе. О фильме про мутантов и речи не шло.

– Родители заставляют с Сонькой сидеть, – пожаловалась Катя.

– А я с Максиком поссорилась, – притворно вздохнула Маша Карусельникова.

– Какой-то он у тебя странный, – хмыкнула Лена Лебедева. – Димка мой, может и ведет себя по-свински. Но я всегда знаю, чего от него ждать. А твой, как этот... Как его, Кэт?

– Как маньяк, что ли? – Катя спрятала улыбку.

– Да ну вас! – обиделась Карусельникова.

– Конечно, он мальчик симпатичный и даже очень симпатичный, – продолжала Лебедева. – И слова тебе красивые говорит. Но, Машенька, ведь это не главное! Потому что он все время смотрит на других девочек.

– Да пошла ты! – Карусельникова посмотрела на подругу уже с ненавистью. – Это не он, это ты на него смотришь все время! Думаешь, я слепая?!

– А вот и Максик идет, – сказала Катя, глядя на высокого парня. – Вы же поссорились.

– Максик! – приветливо помахала Лебедева назло Карусельниковой.

Та со стуком поставила стакан и побежала навстречу ухажеру.

– Что это с вами? – с любопытством спросила Катя.

– Достала меня уже со своим Максиком! «Ой, Максик! О, мой Максик!» – очень похоже передразнила Лебедева. – Кэт, эта овца противная ему не нужна! Он на тебя смотрит. На тебя, а не на нее!

Катя фыркнула и тоже помахала Максиму. А того подруга картинно поцеловала и потянула в сторону от кафе.

– Что это тебе в голову пришло?

– Ты сама не замечаешь, что ли?

– Вот еще!

Домой она вернулась в половине пятого. Родители собирались на выход. Отец брился, мама перебирала в спальне костюмы и платья. На кровати уже громоздился ворох одежды. На спинках стульев были развешаны рубашки с блузками.

– Катя, как мне этот костюм? – спросила Валентина Николаевна.

– К лицу, – равнодушно отозвалась та. – Вы еще не передумали?

– Катя, – мама обняла ее. – Мы с папой так редко бываем на людях. Я тебя прошу, посиди с Соней. Мы вернемся к девяти. Ты успеешь погулять с подругами. А еще лучше,

пригласи их в гости!

– Вот еще! – с презрением усмехнулась она. – Думаешь, им интересно, как я из горшка в унитаз выливаю?

– Они – будущие мамы! – отозвался из ванной отец. – Пусть учатся!

– Ой, чему тут учиться?! – усмехнулась Катя. – А вот у меня были такие планы на вечер!

Она нарочно хлопнула дверь своей комнаты.

– Саша, с ней нужно поговорить, – Валентина Николаевна обняла мужа. – Мне не нравится ее настроение.

– Ты знаешь, как она меня слушает, – отозвался тот. – Подружек она слушает, а не нас.

– Что ж, придется самой, – Валентина Николаевна постучалась в дверь к дочери. – Дочка, открой, пожалуйста. Катенька, давай поговорим. Я ведь чувствую, что ты обиделась.

– Валя, если она не согласится посидеть с Соней, я приглашу бабушку! – громко сказал Александр Иванович.

Катя тут же вышла из комнаты:

– Вашей бабушке до Сони еще меньше дела, чем мне!

– Катенька, что ты говоришь?! – с обидой произнесла Валентина Николаевна. – Она вас любит!

– Любит?! – фыркнула Катя. – Она кроме себя никого не любит!

Отец выглянул в коридор:

– А ведь Катя в чем-то права. Плевала она на нас с высокой колокольни. Валя, извини, она твоя мать. Но знаешь, как

говорят: «Седина в бороду, бес в ребро!»

– Саша, я тебя прошу!

– Хорошо, – неожиданно улыбнулась Катя. – Я согласна посидеть с Сонькой, но только до девяти часов!

– Вот и хорошо, дочка! – обрадовалась Валентина Николаевна. – К девяти мы уже вернемся. Ты ведь у меня совсем взрослая стала.

– Мам, не начинай снова!

Но Валентина Николаевна уже обняла ее и поцеловала. Позже Катя будет вспоминать этот последний поцелуй. Какой глупой и нетерпимой была она к материнской ласке.

– Мы уедем минут через двадцать-двадцать пять, – тем временем говорила Валентина Николаевна. – Соня спит. Каша на плите, молоко и детское питание в холодильнике.

Пока они собирались, проснулась Соня. Катя взяла ее на руки и вышла проводить родителей.

– Ведите себя хорошо, – улыбнулась на прощание Валентина Николаевна. – Не ссорьтесь! Катенька, я на тебя надеюсь. Ты ведь совсем уже взрослая.

– Мам, ну хватит уже!

– Мать права, – улыбнулся Александр Иванович. – Скоро тебе восемнадцать исполнится. Вот и покажи самостоятельность! – и неожиданно предложил: – Девчонки, а давайте сфотографируемся!

В гостиной он установил фотоаппарат. Семья устроилась на диване.

– А теперь скажите – «сыр»!

Александр Иванович тоже сел на диван и обнял супругу, на руках она держала Соню. По другую руку от нее устроилась Катя. Перед тем, как сработала вспышка, она вдруг заметила какое-то движение в углу комнаты под потолком. Да так и осталась на этой фотографии с расширенными от удивления глазами и с лицом таким чудным, словно увидела знак.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Александр Иванович и вдруг тоже оглянулся на то же место.

А спустя минуту родители девочек ушли навстречу судьбе.

– Что с тобой, брат?

Игорь Кропотов посмотрел на Вадима и тут же отвел взгляд. Таким старшего брата он еще не видел.

– Не могу без нее, – Вадим вытер слезы. – Справиться с собой не могу. Не думал, что без Вики будет так тяжело. Чувствую себя тряпкой!

– Ты не тряпка, – Игорь крепко сжал челюсти. – Я поговорю с ней! – он взял в руки телефон и выжидающе посмотрел на него. – Какой у нее номер?

– Я сам позвоню! Может уже ответит.

Братья встретились на набережной городского пруда. В последнее время они виделись все реже. У Вадима заканчивалась преддипломная практика. А Игорь занимался перевозками и почти все время находился в разъездах. С детства

у них установились уважительные отношения, хотя разница в возрасте была небольшой. Но спокойный и рассудительный Вадим всегда удерживал вспыльчивого брата от необдуманных поступков.

– Непонятно, – сказал Вадим. – Забрала вещи и ушла к родителям. На звонки не отвечает. Подружки тоже молчат.

– Другого, что ли, нашла?

– Не знаю. Чувствую себя погано! Мне о дипломе думать надо. А я думаю только о ней.

– Познакомься с кем-нибудь. Клин клином вышибают.

– Нет, сначала я с ней поговорю. А там видно будет.

– Да расслабься ты! – Игорь подтолкнул его плечом. – Давай я со своего телефона позвоню. Мой номер она не знает. Сто процентов, трубку возьмет. И вы поговорите!

Игорь взял у брата телефон, набрал на своем номер Вики.

И она почти тут же ответила:

– Здравствуй, Игорь! Как хорошо, что ты позвонил! Я сама хотела позвонить тебе сегодня!

Игорь в замешательстве посмотрел на брата и ответил:

– Я в общем... Я не знал, что ты мой телефон знаешь...

Вика, здравствуй! Брат рядом, поговори с ним, пожалуйста.

– Вадим с тобой? – в голосе Вики послышалось разочарование.

– Да, он хочет поговорить с тобой, – повторил Игорь. – Я телефон ему передаю.

– Игорь! Подожди, Игорь, – попыталась остановить его

Вика, но Игорь уже отдал телефон брату.

– Привет, Вика, давай встретимся! – произнес Вадим. – Я уже голову сломал!

– Нам не о чем говорить. И так ведь все понятно.

– Нет, Вика! Мне непонятно! Я встретиться с тобой хочу! Я на набережной сейчас. Вика, приходи в «Лакомку». Я буду ждать... Вика, что с тобой?

– Вадим, я не хочу ни о чем говорить. Я отправила тебе письмо. Но ты его почему-то не получил. Если бы ты прочитал его, мы бы сейчас не разговаривали.

– Да не было никаких писем. О чем ты, вообще? Давай встретимся и поговорим по-человечески.

– Хорошо, я приду.

Вадим еще несколько мгновений держал телефон возле уха, потом протянул его Игорю.

– Договорились? – спросил тот.

– Да, – кивнул Вадим. – В кафе встретимся.

– Ну, нормально же!

– Я вечером позвоню, – рассеянно отозвался Вадим.

Уже несколько дней он испытывал зыбкую неуверенность во всем. Словно из него вырвали сердце, и оно висело в стороне на нескольких жилках. Но после разговора с Викой это чувство только усилилось. Он уже знал, что разговор с ней ничем хорошим не закончится.

А Вика в тот вечер была особенно хороша. Только увидев

ее, Вадим уже почувствовал томление.

– Здравствуй, – он потянулся для поцелуя, но она отстранилась. – Вика мне так тяжело! Ты не хочешь слушать меня. Не хочешь меня видеть. Я не могу понять, почему? Что случилось?!

– Вадим, я полюбила другого, – Вика взяла его за руку.

– Ну, о чем ты говоришь? Какой другой?!

– Я люблю его, Вадим. Мы должны расстаться.

– Зачем ты так?! – Вадим резко отдернул руку.

– Это любовь. Ты знаешь, как это бывает.

– Бред какой-то! – он резко вскочил. На них уже начали оборачиваться. – А как же мы? Мы с тобой, Вика?!

– Вадим, успокойся! Не ты первый, не ты последний. Вспомни наших знакомых, многие из них расстались. Живут прекрасно. Остались друзьями.

– Ты меня убила! Наповал.

– Я тебя прошу, перестань играть словами. Ты встретишь другую. Полюбишь ее и будешь счастлив.

– Как у тебя все просто: «Встретишь, полюбишь...» Прощай!

– Вадим, не уходи, – она попыталась поймать его за руку. – Я еще не все сказала. Я не хочу расставаться с тобой вот так! Но он уже не слушал ее.

Вика вернулась за столик и покачала головой:

– Зачем ты так? – с горечью прошептала она и позвонила сестре: – Я знала, что так будет! Так не хотела видеться с

ним! Ну почему все так?! Почему он письмо не получил? Было бы так просто.

Пока она разговаривала с сестрой, Вадим ехал в сторону городской окраины. Он тоже разговаривал по телефону.

– Вот и выкинь ее из головы! – рьяно выкрикивал собеседник. – Что ты как баба?!

– Люблю я ее, Денис.

– Люблю, – передразнил тот. – Приезжай ко мне! Я пацанам позвоню. Шлюх вызовем! Шашлык, водяра! Какие проблемы, братан?! Выпьем, посидим, расслабимся. Не парься, братан!

Спустя час на даче у Дениса пьянка шла по накатанной. Гремела музыка, пиво и водка лились рекой.

– Вот и всех делов! – хохотал Денис, подливая ему пиво. – Живи и радуйся! Чё ты паришься?! Чё там у нее золотом выложено?! Анька, иди сюда! – окликнул он высокую брюнетку. – Это – Вадим! Вадим, это – Анька! Она тебя любит и хочет! Да?

– Привет! – улыбнулась девушка.

– Вы общайтесь, короче! – Денис похлопал его по спине.

Вадим посмотрел на новую знакомую, улыбнулся немного натянуто и залпом осушил кружку.

Катя покормила сестренку, поела сама. Созвонилась с Лебедевой, надумала все-таки пригласить ее в гости. После чего собрала Соньку и вышла во двор.

Вскоре появились Лебедева с Максимом.

– Какой пупсик! – подруга взяла Соню на руки. – Какая она у вас миленькая! Привет, Пупсёныш! Конфет хочешь?.. Максик, дай нам конфет.

– Давайте, я вас прокачу, – предложил тот. – На пляж съездим, искупаемся!

Под вечер на самом деле стало душно.

– Давайте, – согласилась Катя. – Я только родителям позвоню.

– Зачем? – Лебедева опустила Соню на землю. – Они ведь к девяти приедут? Вот и мы к девяти вернемся, – когда Максим отошел к машине, прошептала ей на ухо: – Кэт, я серьезно говорю – он неровно на тебя дышит. Тебя ведь в спину не толкают. Присмотрись. Он не урод и при деньгах.

– Лена, ты опять за свое?

– А что такого, если ты молодому человеку нравишься?

– Он то хоть знает, что ты пытаешься нас свести?

– А разве это имеет значение?

– Ленка, я тебе поражаюсь! – рассмеялась Катя.

– Я просто помогаю людям, – улыбнулась та.

Домой девочки вернулись в начале девятого. Почти в ту же минуту, когда родители выехали с парковки торгового центра «Сириус», а пьяный Вадим сел за руль.

Его пытались остановить, но он никого не слушал и не прочь был увезти с собой новую подругу.

– Аня, садись! Быстро садись!

– Я с тобой не поеду! Ты – пьяный совсем!

– Садись, я сказал!

– Нет!

– Вадим, ты бы дурью не занимался, – Денис сидел на корточках возле забора. – Куда ты поедешь?! У меня ночуй вместе с Анькой! Чё ты в натуре гонишь, братан?!

– Аня, – Вадим не слушал его. – Ты со мной?!

– Нет! Я же тебе сказала – нет!

– Да пошли вы все... – Вадим газанул, с места набирая скорость и опасно выворачивая на поворотах.

Минута уходила за минутой, час за часом. Телефоны родителей были вне зоны доступа. Первое раздражение у Кати сменилось тревогой. Уже проснулась и снова заснула Соня. Время незаметно подошло к одиннадцати. Катя пыталась подавить тревогу. В какой-то момент даже попыталась разозлиться, но не смогла.

В начале двенадцатого ночи в дверь позвонили.

– Я вам сейчас покажу! – с облегчением прошептала она. – Вот я вам сейчас устрою! – сказала в полный голос, отпирая замки.

Открыв дверь, Катя увидела соседку по лестничной площадке и двух незнакомцев.

Тетя Оля заговорила так быстро, что она не сразу поняла, о чем идет речь:

– Катюша, милая! Катенька, понимаешь, твои папа и мама

попали в автокатастрофу.

– Нужно было сказать: «попали в аварию», – запоздало подсказал один из незнакомцев.

– Что?! – вдруг страшным оглушительным шепотом спросила Катя. – Где они?.. Что с ними?! – уже неожиданно звонко выкрикнула она и бросилась на лестничную площадку.

Но незнакомцы перехватили ее. И один из них сказал, стараясь не смотреть в глаза:

– Они погибли.

– Вы врете! – мгновенно севшим голосом прошептала Катя и снова выкрикнула, но уже нестерпимо громко: – Врете!!!

Из глубины квартиры донесся плач Сони. Ее разбудили и напугали крики сестры и чужие голоса. Катя отступила в прихожую, затравленно посмотрела на незваных гостей. Не сводя с них взгляд, торопливо обулась, натянула ветровку. Тетя Оля и незнакомцы настороженно следили за ней. Когда она выходила из квартиры, ее снова попытались остановить. Но на этот раз Катя вырвалась и стремительно сбежала вниз по лестнице. Выскочила из подъезда и канула в ночи. Ноги сами понесли ее в сторону парка.

Она бежала, не разбирая дороги, слезы застилали глаза. Освещенные окна в домах, уличные фонари и темные дворы. Кажется, все это мелькнуло в одно мгновение. Сначала она бежала по тротуарам, потом темными аллеями парка. Густая трава опутывала ноги. Где-то посреди парка галдели и хохотали пьяные. Сквозь деревья мелькали багровые отблески

костра. Но Катя бежала через парк, ничего не замечая. Она не хотела ничего видеть и уже ничего не хотела знать. Лишь одно желание гнало ее сквозь летнюю ночь – убежать от самой себя и от судьбы, которая занесла над ней острое жало.

– Вы знаете, куда она побежала? – спрашивали оперативники соседку.

– Наверное, к одной из подружек. У нее очень много подружек.

– Этого нам еще не хватало! Хорошо, мы оставим ребенка на вас, а сами найдем девочку. Убежать далеко она не могла. У девочек есть близкие родственники?

– Бабушка – Подъяловская Маргарита Георгиевна.

– Поставьте ее в известность! Будет лучше если она забрет детей к себе. Вы все-таки человек посторонний. Мы сигнализируем по инстанции. Но пока так.

Они ушли, оставив соседку с ребенком. Соня все еще всхлипывала, но сон уже брал свое, глаза у нее слипались.

Известие о гибели Малаховых застало Шугурова по дороге домой.

– Николай, – раздался в трубке четкий, немного резковатый голос Фесенко. – Малаховы погибли.

– Что?! – Шугуров резко свернул к обочине. – Что ты сказал?

– В половине девятого вечера погибли Малаховы. Они возвращались от меня.

– Я знаю, от кого они возвращались! – оборвал его Шугуров. – Как это произошло?!

– Лобовое столкновение. Погибли Малаховы и водитель другой машины.

– Господи, – Шугуров на мгновение закрыл глаза. Он не верил своим ушам. – Сергей, я не знаю... Я еду к Малаховым. Надеюсь, успею до приезда милиции. Боже ты мой, боже! Сережа, ты представляешь, что сейчас Катя переживет?!

– Хорошо, – отозвался Фесенко. – Я нахожусь на месте аварии. Потом поеду в морг.

– Сергей, если что – звони! В любое время!

Шугуров несколько мгновений смотрел на рекламный щит, переливающийся яркими красками. Потом судорожно перевел дыхание и переключил скорости.

По пути к Малаховым он позвонил жене:

– Галя, я не знаю, когда приеду. Малаховы погибли... Возвращались от Фесенко и попали в аварию... Подробностей не знаю. Сергей находится на месте аварии. Позже созвонюсь с ним... Нет, девочки были дома. Галя, я подъезжаю к их дому. Перезвоню позже.

Он вытер вспотевший лоб. Времени было половина двенадцатого ночи. С Катей он разминутся на несколько минут. Она в это время уже бежала в сторону парка.

Шугуров поставил машину возле подъезда. На крыльце столкнулся с оперативниками, они возвращались от Малаховых. Он поднялся в квартиру, но застал там только сосед-

ку с Соней.

– Опоздал, – покачал головой он. – Куда она убежала?

– Я не знаю. Милиционеры о том же спрашивали. Откуда я могу знать? – устало ответила та.

Она укачивала на руках Соню и смотрела, как Шугуров ходит по гостиной из угла в угол. Через мгновение его отвлек телефонный звонок.

– Нет, Галя, не знаю! – немного резко ответил он. – Катя убежала! Постараюсь найти ее! Созвонимся позже, – убрал телефон и посмотрел на соседку. – Боюсь я за Катю, как бы чего не случилось. Ночь на дворе! Оля, ты с Соней посиди, пока не вернусь. Что теперь поделаешь, коли так вышло!

– Конечно, – кивнула она. – А я их бабушке позвоню.

Шугуров ушел. Соседка унесла Соню в детскую и осторожно положила на кровать. Она также осторожно, почти бесшумно вышла из комнаты. Взяла с журнального столика телефон, села на диван и пригорюнилась. Случившееся сегодня тоже не укладывалось в ее голове.

– Господи, да за что же это?! – прошептала она, набирая номер Подъяловской. – Маргарита Георгиевна, милая. Я даже не знаю, как вам это сказать...

– Она спит, – отозвался мужской голос.

– Кто это? – спросила она незнакомца.

– А вы кто?

– Я соседка ее дочери. Позовите, пожалуйста, Маргариту Георгиевну.

– Я не буду ее будить! – раздраженно отозвался тот.

Он смотрел футбольный матч, был слышен рев трибун и голос спортивного комментатора.

– Вы не понимаете, – повысила голос тетя Оля, – ее дочь погибла!

– Это глупая шутка, девушка! Перестаньте хулиганить, – и бросил трубку на рычаг.

– Господи, да что же это такое?! – с надрывом повторила она, набирая тот же номер.

Но так и не смогла дозвониться, у Подъяловской на звонки не отвечали.

Шугуров несколько часов колесил по городу. Соседка Малаховых тоже глаз не сомкнула. Сидела на диване в гостиной и прислушивалась ко всему, что происходит в квартире и на лестничной площадке. Она надеялась, что Катя все же появится с минуты на минуту. Когда приехал Шугуров, приготовила чай.

Николай Андреевич сидел на кухне и угрюмо смотрел в окно.

– До Маргариты Георгиевны я не дозвонилась, – тем временем говорила она. – Сначала трубку какой-то мужчина взял. А потом они трубку не брали. А телефон Горловых я не знаю.

– Может и к лучшему, – кивнул Шугуров и добавил с горечью: – Как же не вовремя они ушли. Представить страшно,

что сейчас девочкам придется вынести.

– О чем вы?

– Не думаю, что Маргарита на наследство позарится. Но Горловы свое возьмут. Более жадных тварей я не видел! Значит, до Маргариты не дозвонилась... – он взял в руки мобильник. – У меня где-то ее телефончик был... Здравствуйте, Маргарита Георгиевна! И крепитесь... Валя с Сашей погибли в аварии... Мы дозвонится до вас всю ночь не могли.

Услышав это, Маргарита Георгиевна медленно отняла телефон от уха. Глаза у нее стали бездонными. А под боком завозился очередной любовник и приживала Слава Дендеберов.

– Вчера вечером мне звонили? – спросила она.

– Нет, – сквозь сон отозвался он. – Я футбол смотрел, ни с кем не разговаривал.

– Прекрати врать! – повысила голос Маргарита Георгиевна. – Вчера мне звонили!

От ее тона сон со Славы как ветром сдуло.

– А что такое?! – возмутился он. – Звонила какая-то наркоманка, чушь несла. Я ее послал! Или тебя надо было разбудить?! Ты с наркоманкой хотела ночью разговаривать?

– Что она сказала тебе?

– Не помню уже! Чушь какую-то говорила! Что случилось?

– Тебя это не касается. Мне нужна машина, сейчас же.

Когда Дендеберов ушел, Маргарита Георгиевна прошла в

кабинет мужа и села в кресло под его портретом. В этот момент она была похожа на восковую фигуру. Она бы и рада была всплакнуть о дочери, но в очерстевшем сердце места для слез давно уже не было.

Очнулась Катя на рассвете, когда первые лучи солнца коснулись верхушек деревьев. Трава на лужайке была сухой. И она отстраненно подумала, что это верный признак дождя. Потрясение от случившегося было таким сильным, что она не сразу вспомнила, как оказалась здесь. А когда вспомнила, вновь уткнулась лицом в траву и плечи ее вздрогнули от беззвучного плача. Перед ее глазами роились не связанные между собой картины. Сейчас она отчетливо понимала только одно – жизнь уже не будет прежней. И ее почти парализовало от этой мысли.

Она лежала на залитой утренним солнцем поляне и пыталась справиться со слабостью и страхом. Но они были сильнее ее. Не в силах совладать с ними, она забывалась, как забывается человек в бреду тяжелой болезни. Неосознанно отгораживаясь от всего, что накрыло ее накануне, и от того, что еще должно произойти. В эти моменты чувствуя только голод, жажду и пробравший до костей озноб. Ночной холод тек от земли так же незаметно, как исподволь проникло в нее безумие происходящего. Но и то, и другое она уже прочувствовала каждой клеточкой своего тела. И в какой-то момент ее нервы сдали окончательно. Она встала на колени, подняла

глаза к светлым небесам и разрыдалась так страшно, взвыла почти по-звериному, что заночевавший неподалеку бомж вскочил с подстилки из газет, травы и наломанных веток и бросился наутек, не разбирая дороги.

Через какое-то время Катя затихла, сжалась в тугой комок. Она еще изредка вздрагивала и вытирала слезы, но ее худенькое лицо ожесточилось. А сердце окрепло вдруг и открылось навстречу миру. И она так ясно поняла – именно сейчас решится судьба сестренки. Ее душа неведомым провидением божьим вдруг прозрела, очищаясь от скверны равнодушия. Судьба сестры зависела теперь от нее. Здесь и сейчас нужно было решить, с кем вырастет Соня и как она будет жить. В любви или как-то иначе, о чем страшно было даже подумать. Кто будет ее воспитывать, близкий человек или чужие люди?

Катя знала, что тетке по отцу, Горловой Елене Ивановне, Соня была не нужна. Этой двуличной неприветливой женщине бог своих детей не дал, да и не нужны они были ей. Родители отца могли взять Соню на воспитание, но они умерли несколько лет назад. О бабушке по материнской линии речь даже не шла. При жизни дочери и зятя ей до внучек дела не было. Получив в наследство от мужа состояние, она почти безвылазно проводила время на курортах, в морских круизах и за границей. Катя знала, что она не станет тратить драгоценные годы жизни на воспитание внучки. Она уже сейчас могла предугадать ее искусную ложь. Но она еще не знала,

что мотивов у людей может быть великое множество, а поступки подчас необъяснимы.

Подумав обо всем этом в одно мгновение, она поднялась с земли и пошла из парка. Шла медленно, временами ощущая в душе бездонную пропасть. Но как только вспоминала о сестре, эта страшная бездна затягивалась тонкой корочкой еще неосознанных чувств. В это утро все окружавшее ее казалось незнакомым. И дома казались чем-то иным, но не многоэтажными коробками. И асфальт под ногами не был дорогой. И прохожие казались существами из другого мира. Но потом она случайно заметила свое отражение в зеркальной витрине, увидела свои лицо, глаза, и все встало на место. Небо стало небом, а дома стали домами. В этот момент кто-то окликнул ее с другой стороны улицы, но она не обратила на это внимание.

До полудня весть о гибели Малаховых облетела родных и знакомых.

Услышав о гибели брата, Горлова закрыла глаза ладонью, но слез не пролила.

– Господи! – прошептала она, вернувшись на кухню. – Васенька, Маргарита звонила. Вчера Малаховы на машине разбились.

– А я Саше не раз говорил, чтобы осторожней ездил, – отозвался тот. – Сильно разбились? Машину наверно в ремонт. Выдают же сейчас безголовым права! Бардак несусветный!

– Они погибли.

– Как погибли?! Все?!

– Нет, дети живы. Валя с Сашей в гости к кому-то ездили.

А на обратном пути разбились.

Горлов отложил в сторону нож с вилкой.

– Даже не знаю, что сказать, – произнес он, уже примеряя на себя траур. – От судьбы, видно, не уйдешь. Помнишь, они два года назад чуть не погибли на дороге. А нынче бог беду не отвел. Милая, ты присядь! Нам с тобой сейчас подумать нужно, как дальше быть. У брата твоего все было. А если девочки без присмотра останутся, Катя все нажитое спустит, и квартиру, и дачу, и гараж. Надо и об этом подумать.

– Что же нам делать теперь?

– Катя к нам жить не пойдет. И поздно ее уже перевоспитывать. А вот о младшей подумать нужно. Мы можем взять над ней опеку или удочерить. Как ты на это смотришь? Половина родительского наследства по закону ее. Вот и решение.

К дому Малаховых Горловы подъехали одновременно с бабушкой девочек.

– Какое несчастье!

Женщины расцеловались. Ни та, ни другая не выглядели безутешно.

– Я до сих пор не могу прийти в себя! Все время плачу!

– Вы правы, Леночка, это невыносимо.

Горлов вышел из своей черной «Волги». Проверил, хоро-

шо ли закрыты двери с багажником. Женщины тем временем перешли к вопросу, который волновал обеих:

– Елена Ивановна, вы же понимаете, о будущем девочек должны подумать мы и подумать сейчас!

– Мы с мужем уже обговорили это. С Катей сложно. А вот Сонечку мы бы взяли на воспитание.

– Какое чудо, наши мысли совпали, – улыбнулась Подьяловская. – Я немолода, чтобы брать на себя такую ответственность. Но вы с Василием Львовичем замените Соне родителей. Я в этом уверена! И хоть какая-то часть нажитого не пропадет. Я же буду приглядывать за Катей. Она девочка с характером, но мы поладим. Я знаю ее. Я сегодня же поговорю с ней.

– Слава богу, мы понимаем друг друга! – не скрывая облегчения, произнесла Горлова. – Я боялась, что вы не поймете нас.

– Тут и говорить не о чем! Мы должны помочь не только девочкам, но и друг другу. Я вам откровенно скажу, мне не нравилось окружение зятя: ни Шугуров, ни Фесенко, ни остальные из этой компании! Я таким людям не доверяю. А вот вам с Василием Львовичем верю!

Горлов стоял в стороне. Непонятно было, о чем он думает. Но смотрел он на свою машину.

– Васенька, мы ждем тебя! – окликнула его супруга.

– Здравствуйте, Маргарита Георгиевна, – Горлов осторожно пожал ей руку. – Скорблю вместе с вами.

– Спасибо, Василий Львович, – улыбнулась та. – С Леночкой мы обговорили судьбу девочек. Я рада, что вы возьмете Сонечку на воспитание!

– Маргарита Георгиевна, это наш долг! Девочкам мы не чужие. А сил и средств, чтобы воспитать Соню, у нас хватит!

– Но я бы не хотела, чтобы посторонние узнали о вашем решении, – сказала Подьяловская. – Мы люди разумные. Но чего ждать от других, я не знаю. О вашем решении мы пока что не скажем никому. Вы согласны со мной?

– Резонно. Не будем афишировать свое участие. Народ у нас такой, что сразу же начнут говорить о корысти, о жадности. Забывая о человеческих моментах! Но я считаю, что имуществом тоже нельзя пренебрегать! Девочки только начинают жить. Соня совсем кроха, а у Кати элементарного опыта нет. О ней тоже должен заботиться взрослый человек. Мы с вами люди зрелые и опытные, нам это по плечу.

– Как же приятно слышать это от вас, – улыбнулась Подьяловская. – По крайней мере, теперь я за Сонечку спокойна. А с Катей я поговорю. Я собираюсь в поездку по Италии. Не думаю, что она откажется от нее.

Когда Катя вернулась, в квартире уже находились бабушка, тетя Лена с мужем и несколько друзей отца. Увидев ее, они умолкли на полуслове. А она застыла в дверях гостиной.

– Катюша, где же ты была?! – бабушка потянулась к ней.
– Катюша, милая моя!

И все присутствовавшие разом загомонили:

– Какое страшное несчастье, Катя!.. Катя...

– Катенька, ты можешь рассчитывать на нас!

И только Шугуров попытался остановить их:

– Да оставьте же ее в покое, дайте прийти в себя!

– Мы тебе поможем, Катенька, обязательно поможем...

– Можешь рассчитывать на нас! Мы тебе не чужие...

– Катюша, – Шугуров сделал к ней шаг.

Но она слепо глянула на него и ушла в детскую.

Женщины хотели было пройти следом, но Николай Андреевич остановил их:

– Ради бога, дайте побыть ей одной! Дайте вы человеку прийти в себя!

– Но именно сейчас она больше всего нуждается в нас, – перебила его Маргарита Георгиевна.

– Уважаемая, только не с вами толковать о сочувствии и сострадании к ближним, – так же грубо оборвал ее Шугуров.

– Что это вы себе позволяете?!

– Оставьте, Маргарита Георгиевна, – отмахнулся он. – Вас все равно не переспоришь! – и посмотрел на Фесенко. – Сергей Назарович, нам бы потолковать с глазу на глаз. Не уезжай пока.

– Хорошо, – кивнул тот.

Они поняли друг друга с полуслова. Губы Шугурова даже дрогнули в улыбке, обозначив конец взаимной неприязни.

Увидев Катю, соседка едва не расплакалась:

– Прости меня за вчерашнее, девочка! Если можешь, прости. Если бы я могла все вернуть.

– Тетя Оля, спасибо. С Соней ночь провела, – через силу улыбнулась та. – Мне с Соней нужно побыть.

– Конечно-конечно, – она вышла из комнаты.

– Привет, малыш, – Катя взяла сестренку на руки, и та неожиданно расплакалась:

– Маму хочу... Ма-ма...

– Что ты, малыш? Что ты... – Катя крепко прижала ее к себе.

И вдруг почувствовала такое отчаянье, что едва сама не расплакалась и прошептала против воли:

– Нет, я не верю... Нет, мама... Этого не может быть...

По квартире разносился хорошо поставленный баритон Горлова:

– Вот как жизнь обрывается! Несправедливо! Трагическая случайность! Отняла у детей родителей, у матери дочь. Но мы должны держаться, должны думать о завтрашнем дне.

– Да, вы правы, – поддакивали ему. – Жизнь не стоит на месте.

В это время на кухне негромко разговаривали Шугуров с Фесенко. Из гостиной доносился нудный, преисполненный трагизма баритон. Николай Андреевич наконец не выдержал и прикрыл дверь.

– Все-таки Горлов – дурак исключительной породы! Слава

богу, что такие не плодятся, – процедил он сквозь зубы.

– Но в чем-то он прав, – покачал головой Фесенко. – Я даже представить не могу, что сейчас начнется.

– Да уж. И люди добрые помогут.

– О чем ты?

– Сам видишь, какие у девчонок родственники. Маргарита чего стоит! Горловы не лучше! Рано об этом говорить, но я жду от них любой подлости.

– Мы девчонок в обиду не дадим, – Фесенко закурил. – Если потребуется, я для них сделаю все! И ты думаешь так же!

– Да, – кивнул Шугуров. – Будем держать друг друга в курсе всего, что вокруг них творится. Договорились?

– Договорились, – кивнул Фесенко. – Мне пора. Удачи!

Шугуров вышел вслед за ним. Кати в гостиной не было.

– Не тревожьте ее пока, – перехватила его взгляд соседка.

– Да, – вздохнул Шугуров, – тяжело ей сейчас, – и протянул соседке несколько сотенных купюр. – Купи девочкам что-нибудь. Хорошо?

– Вчера со мной опера́ разговаривали. Спрашивали о родне девочек.

– Без паники, Оля. Не будем суетиться раньше времени. Я с тобой вот о чем хотел поговорить... – и продолжил уже на лестничной площадке: – Кате сейчас во всем помощь нужна. А у меня и своих дел хватает. Заплачу любые деньги!

– Что же ты говоришь?.. Я им и так помогу – по-соседски!

– Прости, если обидел. Вот моя визитка. Звони в любое время дня и ночи.

Вскоре Соня снова закапризничала, расплакалась. Катя присела рядом с ней.

– Что ты, малыш? Успокойся, – хотя к ее горлу тоже подступили слезы.

Не успела она закончить, как в детской появилась Маргарита Георгиевна.

– Почему она у тебя все время плачет? – спросила с укором, забирая Соню. – Что ты с ней делаешь?! Пока тебя не было, она не плакала! Соня, что она с тобой делает?!

– Бабушка, зачем ты так?

В этот момент Катя почувствовала слабость сродни сердечной.

Соня уже редела навзрыд.

– Перестань, Сонечка, – Маргарита Георгиевна подошла с внучкой к окну. – Перестань плакать! Видишь, ребятки играют в песочек. И мы с тобой погуляем сейчас. Только не плачь... Катя, ты понимаешь, что не можешь заниматься маленьким ребенком?

– О чем ты говоришь, бабушка? – пересиливая слабость, спросила Катя.

Она уже догадалась, о чем пойдет речь.

– Катенька, нам нужно серьезно поговорить, – Маргарита Георгиевна села возле окна. Ребенок на ее руках понемно-

гу успокоился. – Ты должна научиться трезво смотреть на жизнь. Да, у нас произошло страшное несчастье. Мы потеряли самых родных людей. Но жизнь продолжается! Об этом нужно помнить всегда. Жизнь не стоит на месте... Катя, я знаю, о чем ты думаешь.

– Ты не можешь этого знать.

– Знаю, – снисходительно улыбнулась Маргарита Георгиевна. – Ты хочешь оставить Соню с собой. Но ты не справишься. Ты слишком молода. И ты должна думать о себе. Прежде всего, ты должна думать о себе! Ты ведь не хочешь погубить молодость.

– Бабушка, ты меня не слышишь! – перебила ее Катя.

– Нет, это ты не слышишь меня. Если ты возьмешь сестренку... Если тебе позволят сделать это. Вы обе будете только мучиться! И очень скоро ты станешь ненавидеть сестру! Это правда, Катя. Поверь мне... Позволь жизни самой все расставить по своим местам. Пока что за Соней посмотрит тетя Лена. И это лучшее, что мы можем сделать. А после похорон мы с тобой съездим в Италию. Ты ведь всегда мечтала съездить туда. Милая моя, тебе пора начинать свою жизнь, пора начинать думать о себе. Ты всегда была такой умной, Катя. Я всегда надеялась на тебя. Не сделай сейчас глупость!

– Что?! – Катя словно очнулась. – Ты надеялась на меня? Ты думала, что я стану такой же равнодушной и лживой, как ты?

– Какой же ты еще ребенок! – улыбнулась Маргарита Ге-

оргиевна. – Подумай о моих словах.

– Соня – моя сестра!

– Она – моя внучка. И ты моя внучка. Катя, я не хочу, чтобы вы мучились.

– А я больше не хочу слушать тебя. Соню я не отдам никому!

– К чужим людям она не попадет, – вновь улыбнулась Маргарита Георгиевна. – Катя, все что сейчас нужно – это успокоиться и прийти в себя. Твое слово не последнее. Но ты должна уже думать о себе. И вот что я скажу: доверять людям нельзя, каждому что-то нужно от жизни! Когда ты придешь в себя, вспомни, что у тебя есть бабушка. Я всегда помогу тебе. Вспомни об этом, Катя. И отнесись к моим словам уже по-взрослому!

Не слушая ее больше, Катя забрала сестру и вышла из комнаты. Маргарита Георгиевна усмехнулась:

– Катенька, ты еще такой ребенок!

Она достала из сумочки пачку сигарет, которые изредка курила и считала это признаком сильных переживаний.

Маргарита Георгиевна закурила. На ее холемом красивом лице застыла улыбка. Здоровья она была отменного и на самом деле выглядела очень молодожаво. В свои пятьдесят восемь производила впечатление женщины, едва переступившей сорокалетний рубеж. Но все же с возрастом в ее душе случилась необратимая перемена – она перестала различать грань между добром и злом.

– Какой же ты еще ребенок, Катенька, – повторила она. – Ты совсем не знаешь жизни.

Катю Шугуров нашел в спальне родителей. Он все утро пытался поговорить с ней. Сейчас на ее руках посапывала Соня. Иногда она вздрагивала во сне. В эти моменты Катя начинала осторожно гладить ее и успокаивать:

– Все хорошо, Сонечка! Спи, маленькая... Спи...

– Катя, – негромко сказал Шугуров. – Мы вас в беде не оставим. То, что случилось – страшно и несправедливо. Но тебе сейчас нельзя замыкаться! Тебе нужно думать о сестре. О том, что жизнь продолжается и все еще впереди. Ты всегда найдешь помощь у меня и Сергея Назаровича. Эти дни пройдут, они закончатся. У тебя появятся проблемы, которые в одиночку не решить. Не стесняйся! Мой дом всегда открыт для вас. Катя, твои родители были моими лучшими друзьями.

– Дядя Коля, – всхлипнула Катя. – Почему они? За что?

Шугуров обнял ее:

– Я тоже не понимаю этого. Но нам всем приходится жить с потерями. Твоих родителей я любил. Так же я люблю тебя и Соню. Пока что вам будет помогать тетя Оля. Я не знаю, какой помощи тебе ждать от бабушки, от родни. Но не в этом дело. Добрых людей на свете очень много. Тебе всегда помогут. Только не думай, что все кончено. У тебя вся жизнь впереди. Помни об этом.

– Я хочу, чтобы Соня осталась со мной. А бабушка говорит, что мы не сможем быть вместе. Она говорит, что я буду ненавидеть Соню. Но это неправда! Это неправда...

– Конечно, – успокоил ее Шугуров. – И вы будете вместе. Никто не сможет разлучить вас. Но всему свое время. Поверь мне, многие проблемы со временем отпадают сами собой. Очень скоро тебе исполнится восемнадцать. И никто не сможет отнять у тебя сестру! А ты сможешь воспитать ее, я это знаю. Но, Катя, пока что рано говорить об этом. А о многих вещах, вообще, нужно забыть на время. Катя, я сделаю все, чтобы помочь вам.

Дверь приоткрылась. В комнату заглянула жена Шугурова. То, что она увидела, вызвало в ней глухое раздражение. В последнее время мужа она ревновала к каждой тени. По-нимала, что это нездоровое состояние, но поделаться с собой ничего не могла.

– Вот ты где! – сказала она. – Я тебя уже обыскалась!

– Здравствуйте, Галина Сергеевна, – поздоровалась с ней Катя.

– Здравствуй-здравствуй. Коля, могу я с тобой поговорить?

– Да, сейчас, – кивнул он. – Катя, отдохни хотя бы немного. Поешь, поспи. Тебе сейчас нужны силы. А я поговорю с Галей и вернусь.

Они вышли на лестничную площадку.

– Ты не спал всю ночь, тебе самому отдохнуть нужно, –

Галя немного посторонилась, пропуская пожилую пару.

– Здравствуйте, – поздоровались с ними старики. – Вы ведь родственники Малаховых?

– А что вы хотели?

– Мы живем в соседнем доме, – улыбнулась старушка. – Хотели выразить сочувствие. Мы очень хорошо знали Валю. Виделись с ней почти каждый день. Она каждый день гуляла во дворе со своей девочкой.

– Спасибо, – кивнул Шугуров. – Но вы извините, девочки сейчас отдыхают. Впрочем, вы можете поговорить с матерью Валентины Николаевны. Если вы знаете ее, проходите. Она в гостиной. Пройдите... – он проводил стариков взглядом. – И так весь день. Галя, ты что-то хотела сказать?

– Съезди домой, отдохни! Это я хотела сказать.

– А кто им поможет? Маргарита играет на публику. А Горловы просто уехали домой!

– И что теперь?! – Галя снова вспомнила, как муж обнимал Катю. – У тебя есть ресторан. У тебя есть своя семья!

– Галя, перестань! Если приехала помочь, помоги! Нет?! Уезжай в цех, тебе и там забот хватит.

– Хорошо. Увидимся вечером. Я хотела сказать: дома увидимся. Вот только когда?

– Да-да, – кивнул Шугуров.

Он проводил ее до дверей лифта. Они поцеловались на прощание. Скорей с неприязнью.

Возле машины Галя остановилась и покачала головой: «Коля, что же мы делаем?» В этот миг ей было горько от того, что они перестали понимать друг друга. Пропасть между ними только росла. Она не обратила внимания на кучку пьяных бездельников, сидевших в тени деревьев. А те наблюдали за происходящим с любопытством.

– Прутся как в мавзолей к Ленину! – осклабился один из них – высокий длинноволосый человек в гавайке.

– Чё случилось-то, Гога?! – спросил его собутыльник.

– Малах со своей бабой ласты склеили!

– Да ты чё?!

– В них какой-то «торчок»³ въехал! Все на глушняк! Из машин фарш вытряхивали!

– И чё?

– Чё-чё?! Пацанки у них остались! Сиротки... А «бабло» у Малаха было, к гадалке не ходи, – пробормотал Гога уже едва слышно.

Он прошелся под окнами, обдумывая варианты «обнести хату»⁴ Малаховых. В районе его знали как Гогу-матерщинника. С людьми он держался с расхлябанностью вечно пьяной обезьяны и с первого взгляда вызывал подозрение. Местная шпана и бездельники уважали его за наглость и подвешенный язык.

На крыльцо вышли Катя с сестрой на руках и тетя Оля. Их

---

³ Наркоман (жарг.).

⁴ Совершить квартирную кражу (жарг.).

сразу обступили соседки. Не слушая их причитаний, Катя увела Соню на детскую площадку. Пожилые женщины с сочувствием смотрели им вслед и негромко переговаривались.

Гога тоже смотрел вслед девочкам, но в его глазах сочувствия не было.

Скорбный день подошел к концу. Солнце село за горизонт. Небо над головой было высоким и ясным. Катя вышла на балкон. Вслед за ней вышла тетя Оля. Сколько Катя помнила себя, столько же помнила ее. Соседка была бездетной и одинокой женщиной, подрабатывала швеей-надомницей. Квартира у нее была завалена отрезами тканей, выкройками и лоскутами, оставшимися от кроя.

– Соня заснула, – сказала она. – И тебе тоже нужно поспать. Завтра будет такой же тяжелый день. Я не знаю, Катя, надо ли тебе ехать на похороны. Это ни к чему.

– Тетя Оля, – Катя неожиданно всхлипнула, – я никогда не думала, что они умрут!

– Об этом никто не думает, – тетя Оля обняла ее. – Ты почти не ела. Тебе нужно покушать и выспаться. И станет немного легче. Я знаю, тебе сейчас очень тяжело. Никто не избавит от этой боли. Все прошли через это.

Катя разрыдалась, уткнулась ей в грудь.

– Поплачь, милая моя, – шептала та. – Станет легче.

Шугуров вышел было на балкон. Но соседка покачала головой.

– Вот так, – она продолжала успокаивать Катю. – Вот видишь, тебе уже стало легче. Все пройдет, Катенька. Все проходит... Ты покушаешь или сразу пойдешь спать?

– Я так устала, – прошептала Катя сквозь слезы.

– Идем, Катюша. Идем, милая моя, – она увела ее в спальню, уложила в постель и села на краешек кровати. – Спи, хорошая моя. Спи.

Спустя минуту вышла в коридор. Из кухни выглянул Шугуров:

– Заснули? – шепотом спросил он.

– Обе заснули.

– Выпьешь?

– Я не пью! – даже с испугом ответила она.

– Не хочешь вино, выпей чаю, – усмехнулся Шугуров. –

Ты сама-то когда ела?

– Не помню.

Но едва она переступила порог кухни, как раздался дверной звонок. Тетя Оля торопливо прошла в прихожую.

– Здравствуйте, – поздоровалась с ней Шугурова. – Коля здесь?

– Да, он на кухне.

Галя сразу прошла туда.

Соседка проводила ее взглядом. Она поняла, что супруги сейчас поссорятся. Прошла следом за ней и произнесла негромко:

– Николай Андреевич, я ухожу. Закройтесь за мной, по-

жалуйста.

– Хорошо, Оля, – кивнул тот. – Спасибо за помощь.

– Коля, ты меня любишь? – спросила его жена.

– Да.

– Если ты хоть немного любишь меня, сегодня ты придешь домой.

– К чему это, Галя? Ты ведь знаешь, сегодня я ночую здесь. Зачем ты испытываешь меня?

– Никто тебя не испытывает. Я тебя люблю! Я хочу видеть тебя дома. Я буду ждать тебя... Закрой за мной.

Она тоже вышла с кухни. Через несколько мгновений в прихожей хлопнула дверь.

Николай Андреевич покачал головой и выпил водки, помянув друзей.

В квартире было очень тихо. Шугуров осторожно вышел с кухни и прошел на балкон, только в гостиной задержался на мгновение. На журнальном столике лежал фотоальбом Малаховых. Он смотрел на фотографии погибших и чувствовал на глазах слезы.

На следующий день прошли похороны. Родственники и друзья погибших подходили к Кате, целовали, выражали сочувствие. Потом шли к двум закрытым гробам.

Катя сидела понурившись, на ее голове был повязан черный платочек. Маргарита Георгиевна тоже была в трауре, но уже от кутюрье. Сверкала белым золотом и платиной укра-

шений. Возле нее с участливым видом сидели Горловы.

– Как это страшно, хоронить своего ребенка, – в какой-то момент сказала она Горловой. – Я не думала, что переживу дочь... Но мы должны думать о живых.

– Да, – кивнула та. – Вы можете спокойно отдохнуть от этого ужаса. Я уже встретила с инспектором по опеке. На формальности уйдет несколько дней.

– Спасибо, Леночка. Спасибо за все.

– Нужно подумать о старшей, – в тон ей кивнул Василий Львович. – Мы боимся, как бы не зачастили к ней друзья с подругами. Вы же знаете молодежь: пиво, дискотеки и никакой ответственности за свои поступки.

– Не приведи, Господь, еще с какими-нибудь наркоманами свяжется, – поддакнула ему супруга.

– С Катей я поговорю сегодня же, – успокоила их Маргарита Георгиевна. – Думаю, она поедет со мной. Лучшее средство от печали – долгое путешествие. Я уже брала ее в Европу. Не думаю, что она откажется на этот раз. Бедная девочка, ей просто нужно развеяться. И мне нужно развеяться. Кто бы мог подумать... Мы потеряли их.

– Брата как живого вижу! – неожиданно и уже совершенно искренне всхлипнула Горлова. – Только закрою глаза и вижу.

– Успокойся, милая, – муж обнял ее. – От судьбы не уйдешь.

В этот момент Шугуров отвлекся от разговора со знакомым и сказал Фесенко:

– Не нравится мне это.

– Что ты имеешь в виду?

– Посмотри на Горловых с Маргаритой. Они явно что-то задумали!

– Не перебарщиваешь? Не похожи они на монстров. Все-таки своих хоронят.

– Любую подлость я жду только от них, – покачал головой Шугуров. – Вспомнишь мои слова, так и будет. Оглянуться не успеем, а они уже выкинут какой-нибудь фокус.

– Коля, – одернула его жена, – я тебя ждала.

– Ты приехала, – Шугуров обнял ее.

– А ты выпил.

– О чем ты, Галя? Еще на кладбище ехать. Подойдем к Кате. Почему она одна?.. Я не понимаю, почему она одна?! Где ее друзья, где ее родня?

Он посмотрел на Катю. Из-под платочка у нее выбилась прядь темных волос. Но в этот момент Шугурову показалось, что ей уже не семнадцать лет. Ему показалось, что в ее волосах блестит седина. Но подойти не успел – опередила Маргарита:

– Катюша, ты должна проститься с родителями. А на кладбище мы уже не поедem.

Услышав голос бабушки, Катя вздрогнула:

– Да, бабушка, я сейчас... Так тяжело... Так плохо...

– Да, милая моя, я знаю, – Маргарита Георгиевна помогла ей подняться. – Нам всем нелегко. Но скоро все это канет в

прошлое. Раны заживут. А если не присыпать их солью, они заживут очень быстро.

– Мне страшно. Я спать не могу.

– Все будет хорошо. Попрощайся с родителями. Скоро все закончится.

Они подошли к покойным. В этот момент у многих навернулись на глазах слезы.

Катя сначала прикоснулась к одному гробу, потом к другому:

– Мама... Папа... – прошептала она и на негнущихся ногах вышла из зала.

Шугуров сделал еще одну попытку догнать ее, но был снова остановлен супругой:

– Куда ты? Останься со мной. Мне сейчас тоже очень плохо.

Тем временем Катя вышла из здания и прошла вглубь сквера. Увидев ее, из машины вышел Дендеберов. Проводил равнодушным взглядом и вернулся обратно. А Катя присела на скамью и опустила голову. В этот момент силы окончательно оставили ее.

Спустя минуту на улице появились Шугуровы. Николай Андреевич оглянулся по сторонам и раздраженно бросил жене:

– Я не пойму, чего ты добиваешься?! Где мне сейчас ее искать, где?!

– А я не понимаю, зачем тебе нужно ее искать? – нарочито

спокойно произнесла Галя. – На кладбище она не поедет, все об этом говорят. Незачем ей видеть могилы.

– Стало быть, ты о ней заботишься?!

– Да. Если тебе от этого станет легче. Да, я забочусь о ней!

– Хорошо, садись в машину. Едем на кладбище.

Еще через минуту из парадных дверей начали выходить провожающие. Маргарита Георгиевна направилась к своей машине. Заметив ее, Дендеберов вышел навстречу.

– Ты видел Катю? – спросила она. Тот кивнул на сидевшую вдалеке девушку. – Почему она не в машине?!

– Я пытался ее остановить, но она меня не послушала, – привычно солгал Слава. – Она просто твоя копия! Не драться же мне с ней.

– Хорошо, жди здесь, – холодно улыбнулась Маргарита Георгиевна, зная наверняка, что он и пальцем не пошевелил, чтобы остановить ее. – Надеюсь, хотя бы это ты в состоянии сделать?

На крыльцо ритуального зала поднималась очередная траурная процессия. Маргарита Георгиевна посмотрела на них и пошла по дорожке среди ухоженных кустов и деревьев.

– Едем домой, Катюша, – она села рядом с ней.

– Я хочу съездить на кладбище.

– Не нужно тебе туда. И тебе уже хватило, и мне. Сейчас заберем Соню и поедем ко мне.

– Отвези меня домой, – попросила Катя. – Дома мне будет легче. Бабушка, что мне делать?

– Ты должна верить мне, – улыбнулась Маргарита Георгиевна. – Верь мне. Я плохого не советую. Моя жизнь не всегда была безоблачной. И я знаю, чего стоят необдуманные шаги. И ты тоже начинаешь понимать это... Тебя никто не торопит, тебя не толкают в спину. Через несколько дней мы будем в Европе. Я заберу тебя с собой. Послушай меня. И очень скоро все встанет на свои места.

– Но я хочу оставить Соню с собой, бабушка.

– Я знаю, – кивнула Маргарита Георгиевна. – Но это желание такое детское, такое неразумное. Ты должна быть со мной сейчас. И когда-нибудь ты скажешь мне спасибо. А сейчас идем в машину. Несколько дней вы с Соней поживете у меня.

– Но, бабушка, – Катя порывисто взяла ее за руку. – Я не могу бросить Соню!

– Катя, ты еще совсем юная. Ты говоришь, но не понимаешь смысла многих слов. Ты ее не бросаешь. Ты ее не предаешь. Соню воспитают достойные люди. Они станут для нее родителями, воспитают как родную дочь.

– А ведь вы уже все решили.

– Нет. За тебя никто не будет решать. Тебя никто не торопит. Никто ни к чему не принуждает. Но уже через пару недель ты поймешь, о чем я говорила. И мы станем только ближе.

– Значит, я уже сейчас могу сказать все! – твердо произнесла Катя. – От Сони я не откажусь. Я воспитаю ее! И сего-

дня мы останемся дома. И завтра мы тоже будем дома! Если ты на самом деле хочешь помочь нам – ты сможешь нам остаться вместе. Я знаю, что ты можешь помочь. Соню я не отдам никому!

– Хорошо, – улыбнулась Маргарита Георгиевна. – Будь, по-твоему. Но когда я вернусь из поездки, мы закончим этот разговор. Я еще несколько дней буду в городе. Если передумаешь или понадобится помощь – звони. А когда уеду, за помощью обращай к тете Лене. Девочка моя, я так хочу, чтобы вы были счастливы! Хочу этого больше всего на свете! У нас разные пути, но они ведут к счастью. Мы хотим одного и того же. Поверь мне, все люди хотят счастья.

Трава стелилась мягким ковром. Катафалк и машины процессии остановились неподалеку от места захоронения. И когда на краткий миг шум стих, Шугуров понял, что над кладбищем разносится одна из композиций Ванессы Мэй⁵.

К горлу Николая Андреевича внезапно подкатил тугой комок. В этот момент он почувствовал отчаянье, которое на погостах⁶ временами ощущают все.

Возле могилы их ждали служители. Тут же лежал большой деревянный крест. Шугуров вытер слезу и покачал головой, когда жена обняла его. Служители осторожно опустили в мо-

---

⁵ Ванесса Мэй – британская скрипачка, композитор, певица. Известна исполнением техно-обработок классических композиций.

⁶ Погост – кладбище (устар.).

гилу гробы и отошли в сторону.

– Прощайте, – прошептал Николай Андреевич, рассыпая рыхлую землю по лакированным крышкам. – Прощай, Саша... Прощай, Валюша... Может и свидимся, если черти меня не заберут.

– Вот и все, Коля, – даже с облегчением произнесла Галя. – Все закончилось. Едем домой.

– Да, – прошептал он. – Мы все там окажемся.

– Коля, ты устал. Тебе нужно отдохнуть, – продолжала говорить она.

– Подожди, – Николай Андреевич внезапно остановился. – Я сейчас!

– Куда ты?! Николай!

– Я скоро, я сейчас!

Он знал, что по какому-то чудовищному совпадению вслед за Малаховыми на кладбище должны были привезти их убийцу – Вадима Кропотова.

– Хороший был парень, – говорили среди провожавших Вадима. – Умница, светлая голова! Кто бы мог подумать, что этим закончится?!

– Пьяный за рулем – убийца! – Шугуров вклинился в чужой разговор. – По его вине люди погибли!

– Вы знали Вадима? – спросили его.

– Жаль, что не знал! – угрюмо отозвался Шугуров.

– Странное дело, – покачал головой второй из собеседников. – Он вообще не пил.

– Только мне об этом не рассказывайте! – оборвал его Шугуров. – У моих друзей дети остались сиротами!

Собеседники переглянулись. Один из них неожиданно взял его за руку:

– Зачем вы пришли? Если вам наговорили про Вадима, не верьте! Он был хорошим парнем. Он не был ни пьяницей, ни бездельником! Смерть ваших друзей и его смерть – горе! Как вас зовут?

– Николай, – отозвался Шугуров, он уже начал понемногу остывать.

– Николай, я вас прошу, не устраивайте скандал. Сегодня всем тяжело. И вам тяжело, и нам тяжело. Нам незачем ненавидеть друг друга. Если Вадим виноват, он уже ответил за все. Не нам его судить. Сегодня всем горько. Я прошу у вас прощение за него.

Шугуров посмотрел в глаза собеседнику и отвернулся. Он не знал, зачем пришел сюда. Но почувствовал, что в его душе на самом деле раскололась глыба ненависти.

– Я хочу увидеть, как он выглядел.

– Конечно, идемте со мной.

В этот момент застучал молоток. Гроб готовились опустить в могилу.

Как Игорь ни крепился, все же не выдержал – закрыл глаза ладонью и стремительно вышел из толпы. Он отошел в сторону и закурил.

– Что же ты наделал, брат? – по-русскому обычаю обра-

тился к покойному как к живому. – Почему ты поехал к этой сволочи, к Денису?! Почему не приехал ко мне?

Он в несколько затяжек выкурил сигарету и внезапно почувствовал такую ненависть ко всем причастным в смерти брата, что его лицо изменилось до неузнаваемости.

– Всех передавлю, суки! – скорей прорычал, чем прошептал он. – Брат, я отомщу за тебя!

Отбросил окурок и вернулся к могиле. Гроб уже опустели. Провожающие по очереди бросали горсточками землю. Перед Игорем это сделал незнакомый высокий человек.

– Спи спокойно, брат, – прошептал Игорь, бросив в могилу горсть земли.

Он подошел к родителям и обнял мать.

– Игорь, что же нам теперь делать?! – заплакала она.

– Жить, мама, жить! – сказал он. – Что нам еще делать-то...

– Сынок, только ты глупостей не натвори! Теперь ты у нас один остался!

– Mam, успокойся, не рви себе душу, – сейчас кроме ненависти Игорь не чувствовал уже ничего.

«Странно, – неожиданно подумал Шугуров, вспомнив настроение последних дней, – сейчас жизнь не пролетает мимо».

– Где ты был? – неприветливо осведомилась Галя.

– Там... – Шугуров посмотрел на машину с родными Кро-

потова. За рулем сидел Игорь. – Галя, я хочу пацанов увидеть. Я еду к ним.

– Это когда-нибудь закончится?! Хорошо. Ты можешь ехать к своим детям, к чужим детям, к Фесенко! Ты вообще можешь не появляться дома неделями!

– Галя, – Шугуров обнял ее. – Сегодня ты должна быть со мной. Я прошу, всего один день.

– Ты ведь знаешь, что я не могу. Я не могу видеть глаза твоей бывшей.

– Бывшей жены, Галя. Бывшей! Что с тобой творится?.. Ты слышишь только себя.

– Ты тоже слышишь только себя... Я устала!

Шугуров поцеловал ее:

– Все уже закончилось. Так ведь?

– Милый мой, ничего не закончилось. Уже завтра вы возьмесь за старое.

Шугурова за глаза называли Папой. Но на самом деле он был атомным ледоколом. По жизни шел, переделывая и обустроивая под себя мир. И тянул за собой караван родных и близких. Тянул всех, кого любил, и кому была нужна поддержка. В школе тянул друзей и одноклассников. Тянул баскетбольную команду, которая своими победами была обязана не учителю физкультуры, а Коле Шугурову. В институте тянул однокурсников. В армии горой вставал за земляков. Батальонные блатные боялись его как огня. Хотя сам за два года от службы не отлынивал ни разу. А когда он начал жить

самостоятельно (в то время Горбачев как раз запустил кооперативное движение, а Шугуров легализовал полукриминальные наклонности фарцовщика⁷), он уже потянул за собой с полдюжины любовниц и на паях организованный торгово-закупочный кооператив. При этом «отстегивая за крышу», хотя захребетников не жаловал никогда.

В восемьдесят восьмом году он женился на Люде Фесенко, младшей сестре Сергея Назаровича. Уже в то время он крепко стоял на ногах. А в паре с Фесенко они проворачивали дела на сотни тысяч рублей. По тем временам деньги немалые. Впрочем, продолжалось это недолго. Вскоре в городе появилось несколько акул, тягаться с которыми было себе дороже. Фесенко попытался изменить схему бизнеса и попал за решетку. В начале девяностых сферы влияния более-менее упорядочились. Незаметно для себя Шугуров занялся общепитом: пельменными и закусочными на автобусных станциях и железнодорожном вокзале. А позже все это распродал, сосредоточив силы на ресторане и цехе по производству кондитерских изделий. В то же примерно время он познакомился с Малаховым, который сначала работал у него снабженцем, а позднее управляющим.

Одним словом, к началу нового тысячелетия жизнь Шугурова превратилась в широкую магистраль с отличной раз-

---

⁷ Фарцовщик – в советское время нелегальный предприниматель, обменивающий товар у иностранцев и перепродающий его согражданам с высокой наценкой. В более общем смысле перешло на позднее понятие «челнок».

меткой. Но в двухтысячном году он встретил Галю Юрченко. Ей в то время не было еще двадцати. Через знакомых она устроилась в цех кондитером-тестоводом. Это знакомство изменило привычное течение его жизни. Через полгода он бросил семью и сошелся с ней. Они притягивали друг друга как два разнополярных магнита. Галя, невысокая, стройная, на первый взгляд совсем еще девчонка. И он, высокий, полнеющий человек, который в свои сорок с небольшим вполне годился ей в отцы. Но их взаимопонимание было чем-то за гранью. Иногда казалось, что словами они не пользуются, соприкасаясь сердцами. Трещина в их отношениях по роковому стечению обстоятельств появилась незадолго до гибели Малаховых. В последнее время Галя ревновала его ко всему, что было у мужа до нее, и могло случиться после. Свои страхи она воспринимала как некую реальность, которая только и ждет случая прорваться из надуманного мира в ее жизнь. Ей бы ребенка родить и заняться семьей, а не бизнесом. Все бы само собой встало на место. Но порочное желание ежедневного самоутверждения все время уводило ее в сторону.

Ресторан Шугуров устроил в старинном здании из красного кирпича. Название ему дал – «Женева», хотя обеденный зал больше напоминал великосветский русский салон начала девятнадцатого века. Окна были забраны тяжелыми портьерами. На стенах висели портреты господ в напудренных париках и портреты бледных красавиц. Мебель отсвечивала темным лаком.

До начала девяностых здесь располагался музей ткацкого ремесла. За десятилетия в нем собрали богатейшую коллекцию ткацких и прядильных станков. Установили списанную с производства линию по выпуску хлопчатобумажной ткани, не говоря уже о детальных экспозициях фабричного производства XVIII—XIX веков.

Незадолго до развала СССР в музее затеяли капитальный ремонт. Все музейное добро запаковали и сдали под охрану на городские склады, после чего ремонт тихо сошел на нет. То ли это было сделано умышленно, то ли в очередной раз сработало российское головотяпство, но к ремонту здания так и не приступили. А потом случилась бюрократическая чехарда, и к тому времени порядком обветшавшее здание перевели на баланс города. Вскоре его выставили на аукцион и продали. В лице нового владельца, как это было принято в те времена, выступила организация с солидным, труднопроизносимым названием «Спецремстроймонтажиндустрия». Проще говоря, подозрительная шарашкина контора, занимавшаяся сбытом отечественной и зарубежной сантехники. Тем не менее, ремонт был сделан в рекордно короткие сроки. А к осени девяносто четвертого года здание арендовал Шугуров.

Он уже догадывался, что за аренду платит в карман мэра города. Впрочем, ему это было даже на руку – сама собой отпала проблема «крышевания». Почти семь лет ему покровительствовал хозяин города. А силы и средства для того,

чтобы скрутить в бараний рог криминальный элемент, у мэра всегда были под рукой.

Дверь Шугурову открыла бывшая жена Людмила Назаровна. Он обнял ее и прошел в гостиную. В квартире царила тишина.

– А пацаны где?

– У бабушки, – ответила она.

– Жаль, хотел с ними увидеться.

– Приезжай завтра. Сегодня они ночуют у мамы.

– Не знаю, будет ли время? Я с похорон. Малаховых похоронили.

– Да, Сережа звонил. До сих пор в голове не укладывается.

– Да, – в тон ей кивнул Шугуров. – Как вы?

– Нормально. Как у вас дела?

– Неплохо... Жаль, пацанов не застал. Будь здорова, увидимся.

– Коля, ты хотел что-то сказать? – остановила его Людмила Назаровна.

– Нет. Я только хотел детей увидеть.

– Подожди. У меня торт есть... Я ведь знаю, как ты себя чувствуешь после похорон.

– О чем ты? – усмехнулся Шугуров.

– Коля-Коля, – вздохнула она. – Мы с тобой не один день вместе прожили. Ты и обо мне все помнишь. И я не забыла. Прошлого не вернуть. Но поддержать друг друга, мы еще мо-

жем.

– Спасибо, Люда, – улыбнулся Шугуров. – Неожиданно. Все так неожиданно.

На даче Дениса гремела очередная вечеринка.

– Золотая молодежь, на! – Игорь удобней перехватил бейсбольную битку.

Ударом с ноги вынес деревянную калитку и зашел во двор. Навстречу ему вывалилось пьяное тело – дородный высокий парень лет двадцати.

– Не понял?! – он воззрился на Игоря. – Ты зачем дверку сломал?

– Рот закрой! – рявкнул Кропотов. – Где Тухлый?!

– Там! – пьяный показал на веранду дома.

– Сколько с ним?

– Я не знаю, я спал, – он уже понял, что пора уносить ноги.

– Я пойду?

– Вали! Не дай бог, ментам стуканешь!

– Я не буду, – пообещал тот, поспешно вышел со двора и сразу схватился за телефон. – Денис! К тебе черт какой-то с битой идет!

– Я вижу, – осклабился тот.

Он стоял возле открытого окна веранды и смотрел на незваного гостя:

– Ничего не попутал?! А за калитку денег должен!

– Празднуешь, сука?! – Игорь крепко сжал зубы.

Кроме Дениса на веранде было несколько девчонок и три парня. Но они были пьяны и реальной угрозы не представляли. Правда Денис пьяным не казался и производил впечатление забияки.

– Ты кто? Лицо знакомое.

– Брат Вадима. Помнишь такого?!

– И чего ты хочешь?

Вместо ответа Игорь нанес ему молниеносный удар битой по голове. Несколько раз пнул упавшего и посмотрел на остальных.

Девчонки завизжали и бросились мимо него в дверь. А ребята не прочь были подраться. Пошли на него, матюгаясь и раскидывая стулья в стороны. Но Игорь с детства дрался на улице. И он был трезвым, а они пьяными.

Он мощным ударом ноги отшвырнул последнего из них на стену, поднял с пола бутылку газировки, сделал пару глотков и подошел к Денису. Плеснул в лицо:

– Ты мог остановить его. Но тебе было плевать на моего брата.

– Да пошел ты! – прохрипел тот. – Ты – покойник!

– Ты у меня сейчас договоришь... Если ты, крыса, еще раз нарисуешься передо мной, я тебя похороню! Я все сказал.

Он вышел на улицу. Протрезвевшие девчонки испуганно смотрели на него издали. Позвонить в милицию они не решились. За такой звонок Денис сам оторвал бы им головы.

Домой Игорь вернулся уже затемно, оставил машину возле подъезда. Нижняя губа у него припухла, правый глаз был подбит – все-таки дрался против троих.

– Игорь! – окликнула его из темноты девушка.

Он обернулся и снова сжал кулаки.

– Ты?! – Игорь стремительно сбежал с крыльца и навис над бывшей подругой Вадима – Викой Анциферовой. – Что ты здесь делаешь?!

– Игорь, – сквозь слезы произнесла Вика, – мне нужно поговорить с тобой.

– Поговорить?.. Со мной?.. Ты рехнулась?! Ты пришла сюда после всего?! Брат из-за тебя умер!

– Игорь, ты не понимаешь, – Вика подняла на него измученные глаза. – Я люблю тебя!

– Что?! – от неожиданности он отступил на шаг.

– Я не могла больше оставаться с ним, потому что люблю тебя.

– Что ты мелешь?! Когда ты это придумала?

– Я не обманываю. Я обо всем написала в письме. Но Вадим почему-то не получил его. Может, он просто не заглядывал в почтовый ящик. Я не знаю... Игорь, я не хотела... Ты понимаешь ведь... Я не хотела...

– Хорошо, – кивнул он. – Мы проверим его почту. Садись в машину.

Во время пути они не проронили ни слова, хотя обоим наверняка было что сказать.

– Открывай, – кивнул Игорь, когда они поднялись к дверям подъезда.

– У меня нет ключей. Уже несколько дней нет. Оставила их в прихожей, когда ушла.

Игорь открыл дверь своими ключами:

– Говоришь, он ящик не проверял?

– Я не знаю. Наверное, нет... Наверное, мне нужно было оставить письмо на столе. Но я не сразу решилась отправить его. Я боялась за вас. Вы так любили друг друга.

– Заткнись! – Игорь с трудом сдержался, чтобы не ударить ее. Он подошел к почтовому ящику и заглянул в щель. – Да, вижу какой-то конверт.

Он вытащил из кармана нож и открыл ящик.

– Твое? Я могу прочитать?

По штемпелю письмо пришло пять дней назад.

– Да. Сейчас это уже неважно, – кивнула Вика, к ее горлу снова подступили слезы.

Они вернулись в машину. Игорь включил свет и вскрыл конверт.

Он прочитал письмо и отложил его в сторону.

– Как же мы будем сейчас жить, Вика?... Ведь я тоже люблю тебя...

На город опустилась ночь. Мохнатые звезды сияли в космической бездне, а под этим черным небом сияли огнями города. Ночной ветерок перебирал листья деревьев, по дорогам скользили машины, окна в домах гасли одно за другим.

Глава 2.

Как ни храбрилась Катя, но житейского опыта и самых элементарных навыков у нее почти не было. До семнадцати лет с родителями она прожила как за каменной стеной. И неожиданно перед ней распахнулся мир житейских буден и неурядиц. Покупки в магазинах, стирка, готовка и неотступная, как тень, мысль: завтра забот не станет меньше.

Спустя два дня после похорон ровно в полдень в их дверь позвонили. Соня только что заснула. Эти два дня она перенесла тяжело. Малышка еще не понимала, что произошло. Но на потерю родителей и лесной детеныш отзывается плачем. Ночью она почти не спала, а находилась в полудреме, похожей на морок. Наверняка в такие моменты у человека открывается внутреннее око, и совсем неважно, молод он или стар. Катя понимала это по измученному, совсем не детскому взгляду страдающей от бессонницы сестренки. Отдыхала она только вместе с ней и тоже урывками.

Услышав звонок, Катя села на край детской кровати. От усталости и недосыпания она несколько мгновений не могла открыть глаза. А когда это удалось, едва не заплакала от резкой боли.

– О, Господи! – простонала она и погладила забеспокоившегося ребенка.

Катя осторожно притворила за собой дверь и прошла в

прихожую. Посмотрела в дверной «глазок». Но кто-то предусмотрительно закрыл его ладонью. Катя взяла с тумбочки перцовый баллончик. Почему-то в этот момент она вспомнила слова бабушки о том, что доверять нельзя никому.

– Кто там?

– Кэт, это – я!

По голосу она узнала Лебедеву, но на всякий случай переспросила:

– Лена, ты?

– Конечно я, Кэт! – уже слегка раздраженно ответила подруга.

Катя щелкнула замком. В этот момент лестничная площадка загудела от молодых крепких голосов. И в прихожую ввалилась компания подвыпивших друзей.

– Катюха, подруга! – громче всех верещала Карусельникова. Глаза у нее были, как у пьяного зайца.

– Катя! Как ты, Катюша?! – Максик улыбался во весь рот великолепными ровными зубами.

– Мы, Кать, это... Проведать тебя зашли... – оправдывая вторжение, сказал Дима Новосельцев – друг Лебедевой. Из всей четверки только он выглядел смущенным.

– Катя, как же мы тебе сочувствуем, – Лебедева обняла ее и поцеловала.

И они снова загалдели, как потревоженные дрозды.

– Тихо! – не своим голосом рявкнула Катя. – У меня Сонька только что заснула. Если она проснется, я вас убью!

– Понятно, – явно дурачась, принялись перешептываться гости. – Тихо-тихо... Куда нам идти? На кухню?

– Идите в гостиную, это налево. И сразу же на балкон. И, ради бога, не кричите!

– Кать, ты что? Мы ведь от чистого сердца.

– Все, хватит! На балкон! А я пока Соньку проверю.

Все также дурачась, они на цыпочках прокрались в гостиную. В руках у парней было по пакету со спиртным и закусками.

На их счастье, Соня не проснулась. Посапывала, отвернувшись к стене. Катя осторожно проверила пеленки под ней, поправила одеяло. Из гостиной доносился гомон незваных гостей и звон посуды. В коридор внезапно вывалилась Карусельникова, заметила Катю и дико улыбнулась:

– Я хочу пи-пи! Где у вас делают пи-пи?!

Катя посмотрела на нее с отвращением и кивнула на дверь туалета.

– Спасибо, – проблеяла гостя и двинулась по коридору, едва не столкнувшись с хозяйкой.

– Осторожно! – Катя увернулась от ее пьяного тела. – Машка, я тебя по-человечески прошу, в детскую не заходи!

– А где это? – икнула Карусельникова.

– Машка, мне сейчас не до шуток! – еще раз предупредила ее Катя.

– Да, пожалуйста! Больно мне надо! Я в туалет хочу!

В гостиной накрыли стол. Даже водку по стопкам разлили.

– Нет, серьезно, Катя, – начал Новосельцев. – Я батю твоего знал немного. Он хорошим мужиком был. Вот понимаешь, у меня на сердце так тяжело.

– Дима, ты не умеешь говорить, – перебила его Лебедева. – А если не умеешь, не берись! Пусть лучше Максик за всех скажет. Он у нас самый трезвый сегодня.

Они с Максимом быстро и как-то странно переглянулись, но Катя успела заметить это.

– Пока этой овцы нет, – негромко добавила Лебедева.

– Катя, – Максим поднял стопку. – Ты к столу проходи, к столу! Ведь все это для тебя! Все только для тебя... Катя, – повторил он, явно вспоминая заученные фразы. – Вряд ли найдутся слова, способные выразить горе и боль человека, потерявшего близких. Но ты не должна замыкаться в своем горе. Потому что у тебя есть друзья. Потому что ты должна продолжать жить дальше, как бы это ни было тяжело! И мы, твои друзья, хотели бы в этот день разделить твое горе! Чтобы тебе, Катя, стало легче!

– И веселей! – закончила за него Лебедева. – Bravo, Максик! Вот как нужно говорить, – добавила уже исключительно для Новосельцева.

– Ну да, – хмыкнул тот.

Он мог бы сказать, что на эту речь у них ушло все утро. На нее да на пьянку. Но не сказал. Наверное, потому что у него хоть сколько-то совести осталось.

– Катя, выпей с нами! – Лебедева протянула ей стопку.

– Выпей, Катя! – поддержал Максим. – Выпей! И тебе станет легче!

Услышав это, Новосельцев снова хмыкнул. В этот момент в комнату ввалилась Карусельникова. В таком состоянии просто заходить в комнату она уже не могла, а как мешок с мусором вваливалась в гостиную и обратно.

– Опять водку жрем?! – с ненавистью процедила она. – Я ведь знаю, зачем вы меня притащили. Сволочи...

– Ладно, Маша, успокойся, – недовольно проговорил Максим. – Лучше водки выпей. И, вообще, отдохни.

– Ага! – кивнул Новосельцев, протягивая ей стопку. – Мы с тобой, Машка, сегодня отдыхаем!

– Димочка, я тебя люблю! – взвизгнула Карусельникова. – А вот этого и вот эту – терпеть ненавижу!

Она выпила и мгновенно осоловела, еле добралась до кресла.

– Овца противная, – прошептала Лебедева, глядя на нее с нескрываемым презрением.

– Я все слышала, – пробормотала та сквозь сон, уже окончательно теряя сознание.

– Что это с ней? – спросила Катя.

Она не почувствовала ни тошнотворного вкуса водки, ни вкуса закусок.

– Не обращай внимания, – улыбнулся Максим. – Просто я с ней расстался. Я полюбил другую.

– Подруга, – пробормотала Карусельникова, ворочаясь в

кресле. – Ты им не верь.

– Катя, я могу с тобой с глазу на глаз поговорить? – спросил Максим, тоже не обращая на бывшую подругу внимание.

– О чем нам говорить? – утомленно вздохнула Катя, уже догадываясь, о чем пойдет речь.

– Кэт, помнишь, мы с тобой в кафе разговаривали? – улыбнулась Лебедева. – Ну, вспомни тот день, когда я вот с этой овцой разругалась... Поговори с Максимом, Кэт...

Это было утром третьего дня, когда у Кати погибли родители.

– Хорошо, – кивнула она. – Идем на кухню.

– Ты знаешь, – лучезарно улыбнулся Максим, – я бы хотел поговорить с тобой в более романтической обстановке.

– Максим, мы с тобой идем или на балкон, или на кухню, или никуда не идем! Выбирай.

– На балконе будет не совсем удобно, – пробормотал Максим, он выглядел разочарованным.

А Новосельцев ухмыльнулся в глаза Лебедевой и спросил вполголоса:

– Чё ты на меня уставилась?

– А вот нам с тобой точно придется на балконе поговорить, – ответила та.

Дождаться конца их перепалки Катя с Максимом не стали, вышли из комнаты. На кухне Максим закрыл за собой дверь. Катя отошла к окну:

– О чем ты хотел поговорить?

– Кать, я понимаю, что этот разговор невовремя. Но я больше не могу без тебя жить.

– Что?..

– Я тебя люблю, Катя. И всегда любил. Полюбил с первого взгляда, как только нас познакомили.

– Максим, честно говоря, я тебя не понимаю. Совсем недавно ты от Маши без ума был и был счастлив.

– Сердцу не прикажешь, Кать. Раньше я просто не решался признаться тебе. Но раз уж так все сложилось в нашей жизни... Я дико одинок, – и в этот момент он сделал роковую ошибку, назвав ее чужим именем, – Маша...

– Знаешь, Максик! – очень тихо выговорила Катя. – Иди-ка ты лучше, проспись!

– Но, Кать! Прости, Катя!.. Я люблю тебя... Тебе сейчас нужна опора. А я могу... Я буду любить тебя, Катя... – он на глазах терял остатки лоска. – Ты тоже должна понять меня. Я только сегодня расстался с ней. Я еще не привык!

– Убирайся из моего дома! – четко выговорила Катя. – Уходи сейчас же!

– Кать, мы не поняли друг друга. Ты не так поняла меня. Давай успокоимся, мы должны понять друг друга. Ведь мое сердце переполнено любовью к тебе!

– А больше у тебя ничего не переполнено?! Давай, ведь ты этого хочешь! Ты просто хочешь трахнуть меня!

– Зачем ты так?! Я полюбил тебя, разве это плохо? Любовь не может быть плохой, Катя.

В этот момент в коридоре раздался шум и громкие голоса. Дверь на кухню распахнулась, и Лебедева сказала, глядя ей в глаза:

– Только не расслабляйся, подруга! Сейчас даже я не знаю, что у него на уме.

Левая щека у нее была багрово-красной. На ней хорошо обозначился след от тяжелой пощечины.

– Макс, мы уходим!

– Подожди минуту, мне еще нужно поговорить с Катей.

– Ты идешь или нет?!

Катя с брезгливым любопытством ждала, что он выберет. До этого момента она не думала, что этот самоуверенный красавец на самом деле размазня бесхребетная.

– Да-да, я сейчас. Хорошо, – наконец решился он. – Катя, давай встретимся еще раз. Я разберусь с проблемами и приду к тебе в гости.

– Не нужно, Максим. Я все равно не пущу тебя на порог.

– Но, может быть, не при таких обстоятельствах?

– Максик, ты идешь?! – донесся раздраженный голос Лебедевой уже с лестничной площадки.

Он еще хотел поцеловать Катю на прощание, но тут не выдержала уже она:

– Уйдешь ты наконец?!

Максим с Лебедевой еще какое-то время шушукались на лестничной площадке. Катя видела это в дверной «глазок». Но спустя минуту все же вызвали лифт. На их лица упал жел-

товатый отблеск из открытых дверей кабинки, и лестничная площадка опустела.

В гостиной все также сопела Карусельникова. Во сне ее лицо сделалось бесформенным, отталкивающим и беспокойным, как у человека с нездоровой психикой. Новосельцев курил на балконе. Когда Катя подошла к нему, он покосился и процедил сквозь зубы:

– Катюха, ты им не верь! Оба мутные. Я в Ленке этого раньше не замечал. Похоже, они трахаются... А в последнее время они про тебя всякую чушь несли. Ты же знаешь, я почти все время пьяный. Но я и пьяный соображаю, что к чему.

– Дима, – Катя погладила его по руке. – Я тебе верю.

Он кивнул:

– Ну, тогда я пойду. Машку вот только вытащу из квартиры. Ты это, такси пока вызови. Я еще спросить хотел, – он на мгновение замешкался. – Эта мразотина у тебя деньги брала?

– Лена? Триста рублей.

– Держи, Катюха, – он вытащил из кармана несколько мятых купюр. – От нее все равно не дождешься. А тебе сеструху кормить-поить надо.

– Дима, не надо.

– Надо! Забирай!

– Дим, а как ты сейчас? У нее папа, вроде, из бандитов.

– Да клал я на ее папу! Такая же паскудина, как и дочка!

После их ухода, дверной звонок снова коротко звякнул.

– Как Соня? – шепотом спросила соседка.

– Спит, – улыбнулась Катя. – Сегодня ей уже лучше, почти не плакала.

– Вижу, у тебя гости были.

– Даже вспоминать не хочется.

Они прошли в гостиную. Стол был заставлен водочными бутылками и закуской. Соседка с неодобрением оглядела его:

– Все это я местным бомжам раздам. Пусть помянут твоих.

Бабушка приехала под вечер. Катя в это время собирала Соню на прогулку.

– Катюша, вам нужна помощь?

– Нет, все хорошо.

– Выглядишь уставшей.

Маргарита Георгиевна присела на краешек кровати:

– Соня хорошо спит?

– Иногда плачет.

– Катя, завтра я улетаю в Рим. Ты меня не услышала. Очень жаль. Я оставлю вам деньги. До моего возвращения хватит. Но ты должна обдумать все, пока меня нет в городе. Подумай о своем будущем, о будущем Сони. И прими верное решение.

– Бабушка, мы ведь уже поговорили обо всем.

– Я не тороплю тебя, – улыбнулась Маргарита Георгиевна.

– Но к этому разговору мы еще вернемся. Я прогуляюсь с вами, тоже подышу свежим воздухом.

Они вышли из квартиры и лифтом спустились на первый этаж. Во дворе стоял многоголосый гомон.

Соня сразу же потянула Катю на детскую площадку.

– Девочки, берегите себя, – говорила Маргарита Георгиевна. – Сейчас тебе нужно присматриваться к своим знакомым. От родителей вам досталось наследство. И не важно большое оно или маленькое, но кто-нибудь позарится и на него. Я в этом уверена.

– Бабушка, зачем ты все время пугаешь меня?

– Я не пугаю. Это – жизнь. Все может случиться, Катенька. Ты должна быть готова сорвать маску с лучшей подруги. Которая вдруг начнет затягивать тебя в паутину странных отношений. Ты должна быть готова к появлению людей, которым нужна только твоя квартира или деньги. Катя, я желаю вам только добра. Не забывай, если вам понадобится помощь, ты всегда найдешь ее у тети Лены. Ближе нас с тетей Леной у вас родни не осталось. Не забывай об этом, Катя. Мы – женщины, мы лучше поймем друг друга.

– Я все запомнила, бабушка, – устало кивнула она.

– До свидания, Соня, – Маргарита Георгиевна взяла Соню на руки. – Слушайся Катю! – она обняла старшую внучку: – До свидания, девочка моя! Жаль, что ты меня не услышала. Уже завтра мы будем в Риме. Мне будет тебя не хватать.

– До свидания, бабушка, – Катя проводила ее до машины.

Когда Слава выехал со двора, Маргарита Георгиевна набрала номер Горловой:

– Здравствуй, Леночка! Как у вас дела?.. Документы будут готовы через неделю? Прекрасно! Я только что виделась с Катей. Она не изменит свое решение. Упрямая девчонка... Да, вы совершенно правы, упрямые и не очень умные люди. Леночка, завтра я улетаю. Свое согласие я уже дала. Действуйте на свое усмотрение. Я уверена, Соне с вами будет лучше, чем с сестрой. Катя еще не понимает, скоро в ее жизни появятся страсти, неразбериха и желания. А мы с вами понимаем это очень хорошо. До свидания, Леночка! Передавайте привет Василию Львовичу.

Игорь еще раз перечитал письмо, аккуратно сложил его и убрал в карман. Он опирался на перила моста. По набережной прогуливались парочки и компании молодых людей. По обе стороны реки пестрели навесы летних кафе и баров.

Он взял в руки телефон, нашел номер Вики и снова замер. Он никак не мог решиться позвонить ей. Один бог ведает, сколько бы он еще смотрел на телефон. Но в этот момент на экране высветилось имя Вики. Игорь вздрогнул от неожиданности. Поднес телефон к уху и почувствовал в сердце пустоту, когда услышал ее голос:

– Игорь, мне нужно поговорить с тобой... Игорь, мне страшно, – она заплакала. – Мне Вадим снится!.. Я не могу. Я так больше не могу...

– Где ты сейчас?

– Дома.

– Я сейчас приеду.

– Я буду ждать, Игорь. Я хочу увидеть тебя.

Он нажал на кнопку отбоя и прошептал:

– Прости меня, брат. Это выше моих сил.

Игорь сел в машину и через несколько минут свернул во двор Вики.

Он заметил ее издали. Потому что невозможно было не заметить ее – она была похожа на луч света.

А она смотрела, как он осторожно едет по узкой дороге, и ее глаза казались неправдоподобно большими на похудевшем лице.

Игорь остановился возле нее. На Виду он тоже смотрел широко открытыми глазами.

– Привет. Поговорим в машине?

– Игорь, я не думала, что все так получится, – вместо ответа сказала она, в ее глазах снова блеснули слезы. – Мне так плохо.

Он вышел из машины и обнял ее. Она тут же ткнулась лицом в его грудь и заплакала.

– Давай, присядем, – Игорь осторожно отвел ее на свободную скамейку возле подъезда.

Случайные ротозеи поглядывали на них с любопытством.

– Вы никогда не простите меня, – немного успокоившись, прошептала Вика. – Ты никогда не простишь меня.

– Это не так, – он осторожно обнял ее. – Никто не знает, что случилось в тот день. Мы только знаем, что Вадим встретился с тобой и после этого уехал к друзьям.

– Но меня винят во всем, – всхлипнула Вика.

– Никто тебя не винит. Никто не заставлял Вадима пьяным за руль садиться. Ты ни в чем не виновата. Я думал о твоём письме, – так и не дождавшись ответ, сказал Игорь. – Вика, я не тот человек, с которым ты можешь быть вместе. Я не очень хороший человек, и проблем у меня полно. Ты нравишься мне. И я уже... Ну, обмолвился тогда... Но я не смогу дать тебе ничего хорошего. И я не тот, я простой очень, обычный.

– Игорь, ты любишь меня? – неожиданно спросила его Вика, ее глаза все еще были полны слез.

– Ну да, – кивнул он. – Я ведь уже сказал об этом. Я помню тот день, когда ты впервые появилась у нас. Как сейчас помню. Помню каждую минуту, когда разговаривал с тобой или случайно видел на улице.

– Неужели ты думаешь, что я ничего не чувствовала? – тихо спросила она. – Я всегда знала об этом.

– Вика, сегодня я уезжаю на несколько дней. Давай встретимся, когда вернусь... И ни о чем не думай! Я серьезно говорю, никто тебя ни в чем не винит. А в тот вечер у меня просто с языка сорвалось. Я не хотел тебя обидеть, – он посмотрел ей в глаза. – Я хочу быть с тобой! Всегда хотел быть с тобой! Вика, я тебя люблю!

И она наконец улыбнулась сквозь слезы.

За окном смеркалось. Стихли детские голоса во дворе.

Ермакова Ольга Матвеевна, которую все называли тетей Олей, пригорюнившись сидела за кухонным столом. В эту минуту она чувствовала, как мгновение за мгновением утекает ее время. И от того одиночество вырастало перед ней глыбою. Воспоминания она перебирала, как старые пуговицы в коробке. Вот эта пуговица от нарядного платица, которое надевала на танцы в городской парк, а вот эта – от тюремной робы. В их доме уже начали забывать, что несколько лет эта тихая и добрая женщина провела в исправительной колонии. Когда-то она хотела спасти любимого человека, но и его лишилась, и жизнь себе испоганила, да еще нерожденного ребенка потеряла. А пока оправилась после всего, пока накопила силы – годы ушли. И осталась одна-одинешенька в двухкомнатной квартире. Мать давно умерла, а несколько лет назад последний мужчина обворовал ее и исчез бесследно. По инерции она еще работала на частника швеей-надомницей, уже смирившись с никчемностью последних лет жизни. Какой-то смысл в ней появился, когда у соседских девочек погибли родители. Сейчас она хоть кому-то была нужна. Она не знала, сколько еще лет отпущено ей Господом. Но ясно почувствовала, что пропасть, в которой люди гибнут от беспробудного пьянства и самоуничтожения, снова отодвинулась от нее.

Но в этот вечер ее словно взрывом отбросило в прошлое.

С Геней Ермаковым она познакомилась в июле восьмидесятого. Ей исполнилось тогда двадцать два года. Случилось это субботним вечером. Над городом только что прокатилась гроза. Все отдохавшие в парке вымокли до нитки. Но уже спустя четверть часа вечер продолжился.

– Девушки, а не желаете ли познакомиться с молодыми и очень интересными людьми?!

Дорогу Оле с подружками преградил высокий мужчина лет тридцати.

– А где остальные?! – со смехом спросила Оля, в то время она еще носила невзрачную фамилию – Кузевякина.

– Кто? – с улыбкой спросил незнакомец.

– Остальные молодые и интересные!

– Нам с тобой они не нужны, – незнакомец вдруг оказался рядом с ней и приобнял за талию.

Она вздрогнула от неожиданности и посмотрела на него с изумлением. А подружки расхохотались пуще прежнего.

– Что это вы? – Оля высвободилась из его объятия. – Я вас знать не знаю!

– Вот и познакомимся. Геннадий Ермаков, инженер-строитель. Прошу любить и жаловать.

– Оля Кузевякина, швея.

– Как? – рассмеялся Ермаков. – Кузевякина?!

– А что в этом смешного? – обиделась она.

– А ничего, – новый знакомый снова приобнял ее. – По-

танцуем, Оля? Подружки твои уже ушли.

Над парком летал голос и смех Аллы Пугачевой: «Арлекино! Арлекино!..» На танцплощадке яблоку негде было упасть – советская молодежь отдыхала под присмотром нарядов милиции и дружинников ДНД.

В эту ночь Оля чувствовала себя Золушкой на балу. Но ее первая встреча с любимым продолжилась и после полночи. До рассвета они обошли центр города.

– Я цирковой гимнасткой хотела стать! – говорила она. – Но в школе с трапеции упала и повредила спину.

– Досадно! Представляю, как мужики на тебя в цирке пялились.

– Я же серьезно говорю! – она еще плотней закуталась в его большой пиджак.

– Я тоже. Ты очень красивая. Подружки твои, как кошки драные рядом с тобой. А ты...

– А я?

Они резко остановились под уличным фонарем.

– А ты прекрасна...

– Обманываешь меня, – прошептала она, заглядывая в его темные глаза.

– Нет, – Гена осторожно прикоснулся губами к ее губам. – Не обманываю.

В этот момент из-за поворота выехала поливочная машина. Водитель сначала сбросил скорость и сбавил напор воды, а потом и вовсе нажал на тормоз:

– С дороги уйдите!

– Спокойно, батя! – отозвался Геннадий. – Дурак какой-то, – добавил с улыбкой. – После дождя еще асфальт не высох, а он уже дороги поливает!

– Ой, это же наш сосед! – Оля резко отвернулась от поливочной машины. – Давай уйдем!

– Он тебя не узнал, – улыбнулся Гена. – С утра все слепощарые.

– Знаешь, какое он трепло!

– Трепло, говоришь?.. Ну-ка, подожди, есть у меня пара ласковых.

Он отвел ее на тротуар и вернулся на дорогу. Поливочная машина проехала несколько метров. Водитель снова нажал на тормоз.

– Мужик, тебе жить надоело?! – он высунулся из окна и погрозил Геннадию кулаком.

– Ну-ка, дядя, выйди! – приглашающе улыбнулся тот.

– Тебе чего надо-то?! – водитель посмотрел на него уже насторожено.

– Закурить есть?

– Уходи с дороги, я тебе сказал! – взъярился тот. – Тебе делать, что ли, нечего?!

– Ах ты ж, сученыш!

Гена запрыгнул на подножку машины и принялся месить кулаками бесформенное лицо водителя.

– Ты, гнида, у меня сейчас все забудешь!

– Да ты чё, мужик?! – в голос завопил тот, вырываясь из цепких рук.

Выскочил из кабины с другой стороны и на хорошей скорости бросился вдоль дороги.

– Я милицию вызову! – выкрикнул он, остановившись на повороте. – Я тебя еще поймаю! Гадина! Я тебя запомнил!

А Гена спрыгнул с подножки и вернулся к подруге. На его губах играла улыбка.

– Сейчас он забудет обо всем на свете!

– Зачем ты так? – спросила Оля. – Он ведь тебе ничего не сделал.

– Пусть место знает, – с улыбкой ответил он.

Ей бы в ту же минуту понять, что за фрукт ее новый знакомый. Но Гена снова поцеловал ее и прошептал:

– Я для тебя все сделаю! Горы сверну!

Расстались возле ее подъезда, расстались со сладким поцелуем.

А в понедельник она своего инженера-строителя застала на стройке, перемешивающим раствор. Одна из подруг рассказала о его подноготной.

– Зачем ты меня обманул?

– Впечатление хотел произвести, – улыбнулся Гена. – Но я тебе не врал! Я на инженера учился. Недоучился вот столечко, – он показал ей кончик мизинца.

– И что, в армию забрали?

– Нет. В тюрьму сел за хулиганство. Разлюбила меня?

– А почему ты мне соврал?

– Потому что такие, как ты, с такими, как я, хороводы не хороводят. Я тебе такой даром не нужен... Да, я отсидел! И что я после этого не человек, что ли?!

– А я тебе еще слова не сказала, – Оля опустила глаза. – И мне, знаешь, не важно сидел ты или нет.

– Тебе-то может и не важно. А вот твои папа с мамой, к бабке не ходи – на дыбы встанут!

– Папа давно умер, – усмехнулась Оля. – А жить ты не с мамой будешь, со мной.

– Жить? – переспросил Гена. – А ты никогда не шутишь, да?

– А мы с тобой не шутки шутить собираемся, – сказала она, глядя ему в глаза. – Я детей рожать хочу, семью хочу. И ты мне, Гена, очень нравишься.

Он бросил лопату в поддон, подошел к ней вплотную и заглянул в глаза.

– А я женюсь на тебе! Не боишься?

– Нет.

Он стянул с рук вачеги и обнял ее:

– Ну, тогда выходи за меня. Я тебе предложение делаю.

– А если соглашусь, не испугаешься? – снова усмехнулась она.

– И в кого ты, Кузевякина, такая уродилась? – улыбнулся Гена. – На тещу бы хоть одним глазом посмотреть.

– Скоро насмотришься, – пообещала ему Оля.

Со свадьбой тянуть не стали. Как только вышел положенный месяц на размышление – расписались.

Она до сих пор помнила счастье и радость того дня. На капоте «Волги» сидела кукла в подвенечном наряде. От нее струились белые ленты. В открытые окна врывался теплый ветер, играл с фатой невесты, с ленточками да рюшечками. Если бы она знала тогда, каким богам надо молиться, чтобы это счастье никогда не иссякло. Потому что счастье их было недолгим.

На первую годовщину свадьбы Гена повел жену в ресторан. Он всегда любил широкие жесты. Хотя за год семейной жизни немного остепенился, перестал пить, позволял себе за праздничным столом только пару стаканов пива. И вообще они ладили – как-то незаметно притерлись друг к другу, словно прожили вместе много лет. Единственно – Оля до сих пор ребенка не понесла.

Они решили отметить дату вдвоем без друзей и родственников. Но в ресторане подсел к ним мордастый, напористый мужичок – один из бывших друзей Геннадия.

– Красава! Юбилей или как?

– Или как, – отозвался Гена. – Выпить хочешь? Налью! А потом оставь нас. Я с женой.

– Выпить я сам налью, без помощников, – усмехнулся незванный гость. – А ты чего носом крутишь? «Корешей» забыл. А я бы тоже забыл. На пару палок... – он сально посмотрел на Олю. – Баба у тебя гладкая!

– Вали-ка отсюда, Зуб! Пока здоровье осталось.

– Баба у тебя гладкая, а память короткая, – осклабился тот. – А я должок спишу, – он снова впился в его жену сальным взглядом. – Влегкую...

Геннадий резко перегнулся через стол и прошептал на ухо:

– Еще раз на жену глянешь, глаза вырву!

– Ты на меня не твякай, – усмехнулся тот. – Могли полюбовно разойтись. И всем бы хорошо было, и тебе, и мне, и бабе твоей... Ты мне «угол»⁸ должен. А за поганое помело я еще «косарь» накину. И «счетчик» включу. И обосную.

Со стороны казалось, что они обменялись братским поцелуем.

– Не цыкотно? – ощерился Зуб. – Я уже только «бабки» хочу! Мне уже ничего не надо! – и снова окатил его женщину похотливым взглядом.

– Ах ты, сука! – Гена прыгнул на него через стол и вцепился в горло.

В ресторане будто этого и ждали. Женщины завизжали в голос, мужчины бросились разнимать дерущихся. А в другом конце зала тоже вспыхнула потасовка.

Оля намочила платок и вытерла кровь с разбитой губы мужа.

– Нормально все, – Гена потер затылок. – Гад какой-то

---

⁸ «Угол» – 2,5 тыс. советских рублей (жарг.).

графинном заехал. А весело было, да?! Такую годовщину уже не забудешь.

– Да уж, веселье, – хмыкнула она. – Что он о деньгах плел?

– Было дело, – уклончиво пробормотал Гена.

– Что-то ты, Ермаков, темнишь. Ну-ка, я вот здесь еще кровь вытру... Господи, как кот мартовский, драный весь!

Она покачала головой, глядя на его поцарапанную физиономию.

– За тебя пластался! – с мальчишеской гордостью отозвался он.

– Лучше бы посидели по-человечески. Ладно, хоть до милиции сбежали.

Но лучше бы они попали в каталажку. Потому что на безлюдной аллее поджидали их Зуб с приятелем.

– Ну чё, козлятина, щас мы тебя резать будем, – доверительно сообщил он. – Я здоровьем с тебя возьму! – в его руке сверкнул нож.

Оля взвизгнула и потянула Гену назад. Но противников было всего двое.

Ермаков сцепился с Зубом и с первого же удара выбил из его руки нож. Они принялись молотить друг друга с таким остервенением и злобой, словно не чувствовали боли. А приятель Зуба, расставив руки в стороны, загонял Олю в темный угол аллеи. Она отпрыгивала в сторону, и он прыгал вслед за ней, как тигр. А потом изловчился и поймал своими длинными жилистыми руками и принялся лапать.

– Гена! Гена!!! – закричала она, пытаясь вырваться из объятий хватки.

Геннадий услышал ее крик, но в ночной темноте ничего не увидел и с еще большим остервенением кинулся на Зуба. И с нескольких ударов все же выхлестнул его. Он побежал на крик жены. В руке его поблескивал нож.

А насильник уже завалил ее на землю, разорвал платье и шарил губами по голой груди.

Гена подскочил к нему, схватил за волосы и рванул на себя.

– Ах ты, сука! – прохрипел тот, выворачиваясь.

И Геннадий ткнул его ножом под ребра.

– А-а-а! – захрипел тот и вцепился Ермакову в горло с такой силой, будто хотел утащить с собой на тот свет.

– Гадина! – Оля бросилась на него сзади и принялась колотить по голове. – Гад ты! Сволочь!

Через несколько мгновений последние силы оставили насильника. Он упал им под ноги и не шевелился.

– Пойдем отсюда! Пойдем, Оля! – потянул Гена жену.

А вдали уже послышался вой милицейских сирен.

– Уходим! – крикнул Геннадий и схватился за голову. – Поздно!.. Прости! Не думал, что так закончится.

– О чем ты? Ты же меня защищал. Вот этого гада посадят! – она кивнула на мертвого.

– Никто его не посадит. Я его убил.

– Что?! – она отшатнулась, как от удара.

– Зарезал я его! – Гена бросил нож на землю. – «Вышка»⁹ светит!

Среди кустов и деревьев уже мелькали лучики ручных фонарей.

– Нет, тебя не посадят! – Оля порывисто обняла мужа. – Мы скажем, что я защищалась и убила его случайно, – она подняла с земли окровавленный нож.

– Не дури! – Геннадий протянул руку. – Дай нож!

– Нет, Гена! Меня простят, а тебя расстреляют.

– Давай нож!

– Стоять! – в голос выкрикнули два милиционера, появившиеся среди кустов.

Оля протянула к ним руки, в одной из них сверкнуло окровавленное лезвие.

– Ой, мать! – пробормотал пожилой милиционер, оглядывая и ее, и Геннадия, и труп на земле. – Что же ты наделала?!

– Это не она! – Геннадий дернулся было.

Но пожилой милиционер навел на него ствол:

– Стоять, я сказал!

– Он меня изнасиловать хотел, – Оля бросила нож на землю. – Я его убила...

На допросе немолодой уже следователь Иван Лаврентьевич Соколов выразил ее показаниям недоверие:

– Ольга Матвеевна, сознайтесь: это ведь не вы убили Пантелева.

---

⁹ «Вышка» – казнь, исключительная мера наказания (жарг.).

– Я.

– Нет, не вы. Но вы можете получить срок за убийство. Я думаю, что вы покрываете своего мужа. Геннадий Алексеевич прошел университеты за решеткой и вполне мог убедить вас, взять его вину на себя.

– Нет, это не так.

– Вы напрасно упрямитесь и вводите следствие в заблуждение. Лучше всего рассказать правду сейчас.

– Я сказала вам правду. Я убила этого человека. Сделала это случайно. Я защищалась. Он хотел меня изнасиловать.

– Вы говорите, что отняли у него нож. Но не помните, как ударили Пантелеева.

– Да, – кивнула Оля.

– А где в это время находился ваш муж?

– Мы поссорились. Он ушел далеко вперед и не сразу услышал мои крики.

– Нам известно, что ваш муж в ресторане поссорился с неким Зубовым Павлом Даниловичем. А Пантелеев был его другом. Может быть, вы все же расскажете правду?

– Я вам сказала правду.

– Ольга Матвеевна, дело в том, что на ноже, как вы утверждаете – ноже Пантелеева, его отпечатков пальцев не нашли. Но нашли на нем отпечатки ваших пальцев, отпечатки пальцев Зубова и вашего мужа... Как вы объясните этот факт?

– Я не знаю. Мне нечего сказать.

– А я знаю, – Соколов пристально посмотрел на нее. –

Неужели вы решили, что я пушу дело на самотек?

– Я ничего не думаю.

– Ольга Матвеевна, вы молодая и привлекательная женщина. Вам еще детей рожать и воспитывать. И вовсе не факт, что суд оправдает ваши действия самообороной и другими смягчающими обстоятельствами. Вы можете получить максимальный срок, а то и высшую меру наказания. Да и заключение никого не красит и никому здоровья не прибавляет. Подумайте об этом. Я не пугаю вас, но вы можете потерять и молодость, и семью. Потеряете все, что у вас есть.

– Я защищалась, – упрямо повторила Оля. – Этого человека я убила случайно.

– Хорошо, – кивнул следователь. – Если вам нечего добавить к своим словам, перечитайте признательное заявление и протокол допроса. Но я все же советую, пересмотреть свое решение и сделать обратное признание. Сейчас вас поместят в камеру предварительного заключения. А утром мы встретимся снова.

Соколов вызвал конвой и проводил подозреваемую задумчивым взглядом.

А спустя два дня мир Ольги Ермаковой рухнул окончательно.

После девяти часов утра ее привели на допрос к тому же Соколову.

– Присаживайтесь, Ольга Матвеевна, – следователь выдержал паузу. – Я вынужден сообщить вам плохую новость.

Крепитесь. Ваш муж Ермаков Геннадий Алексеевич погиб.

– Что?! – Оля почувствовала, как земля уходит из-под ее ног.

– Держитесь, Ольга Матвеевна, – повторил Соколов. – Прошедшей ночью он был найден мертвым во дворе вашего дома.

– Нет, – прошептала Оля, глядя на него.

И в этот момент почувствовала невыносимую, резкую боль внизу живота.

– А-а, – застонала она, прижимая к животу руки. А потом упала на колени, выдохнула еще раз: – А-а!!!

И потеряла сознание.

В себя она пришла уже в больничной палате.

– Вы можете пройти к ней, – услышала незнакомый женский голос. – Хотя, подождите, я сначала вызову врача. Он должен поговорить с больной.

Голоса в коридоре на какое-то время стихли. Но через минуту в палату вошел немолодой врач, с которым Оля пару раз встречалась в кабинете женской консультации.

– Здравствуйте, – он сел рядом с ней и взял за руку. – Оля, вы были беременны.

– Что? – прошептала она, еще не осознавая, что врач сказал: «были».

– Мы смогли помочь только вам. Ребенка вы потеряли.

– Да что же это такое? – прошептала она.

– Но не будем терять надежду. Вы еще сможете забеременеть. Мы сделали все, чтобы сохранить вам здоровье. Поправляйтесь, Ольга. Отдыхайте.

Оля закрыла глаза и выдохнула со стоном.

– Ольга Матвеевна, – стул рядом с ее кроватью снова скрипнул. – Я побеспокою вас. Простите, но для некоторых вещей такой момент самый подходящий.

Она открыла глаза и увидела Соколова.

– Я сожалею, – сказал он. – Но сейчас вы уже можете сказать правду о том, кто убил Пантелеева. Скажите мне это, Ольга Матвеевна. Для вас запирательство уже не имеет смысла. Признайтесь в том, что пытались ввести следствие в заблуждение. Выписавшись из больницы, вы отправитесь не в камеру, а домой.

Она несколько мгновений смотрела на него измученными глазами, а потом прошептала едва слышно:

– Да, это Гена убил его...

Она не считала дни, не замечала времени. Она не знала, сколько провела в больнице. Ее сердце и ее душа, словно омертвели от потерь, а тело перестало ощущать боль и муки голода. К ней приходили подруги и родственники, каждый день приходила мать.

– Доченька, – говорила она, – не убивайся так. Жизнь наладится. И ребеночек у тебя будет! И даст бог, человека хорошего найдешь! Тебе только сейчас на ножки встать нужно! Покушать тебе нужно! Не хорони себя заживо!

– Мама, я не хочу ничего. Не хочу.

– Доченька, поешь хоть немного! Соку выпей, яблочко съешь!

– Мама, да оставь ты меня в покое! Оставьте вы меня все в покое! Я жить не хочу, а ты меня яблоками кормишь.

– Не говори так, дочка, не надо! Думать и говорить так – грех! А все остальное... И думать не смей!!! Господи! Господи, пожалей ты меня и себя! В жизни ведь всякое случается! Но жить надо и любить надо! Сколько нам Господом отпущено, столько и прожить надо, дочка!

А на дворе уже заканчивалось лето. Листья на березах пожелтели.

Спустя какое-то время Оля все же пришла в себя и нашла силы жить дальше. Может быть, помогли в этом забота и участие родных и близких. А быть может, судьба ее всегда была в ином.

Из больницы ее выписали на пороге осени. Как же странно было смотреть на двор, на детей, играющих в пятнашки, на соседок, судачивших на лавочке возле подъезда. Для этих людей не изменилось ничего. А для нее одна жизнь сменилась другой жизнью.

И в квартире все было незнакомо. Пока она лежала в больнице, мать сделала ремонт.

– Я, доченька, вещи ненужные в кладовку убрала, – сказала она. – Потом подумаем, что с ними делать.

И Оля поняла, что мать убрала в кладовку вещи Геннадия.

– Хорошо, мама, – кивнула она. – Я пойду к себе. Спать хочу.

– А давай чайку попьем, дочка, – с надеждой сказала мать.
– Я твое любимое пирожное купила!

– Я ничего не хочу.

В своей комнате Оля села на кровать и просидела так без движения несколько минут. И в этот миг она сильнее всего ощутила и безысходность жизни, и потери свои. Еще недавно эти стены хранили любовь, а сейчас в них жило отчаянье. Она встала и подошла к книжному шкафу. Мать предусмотрительно убрала все фотографии Гены. Но Оля помнила, что одну из них держала вместо закладки в книге Каверина «Два капитана».

Она нашла книгу и нашла фотографию. Снимок был сделан возле фонтана в парке. Сделан был совсем недавно на майские праздники.

Она прилегла, положила фотографию на грудь и закрыла глаза. Она так хотела увидеть прекрасный сон.

– Я потеряла все, – прошептала она. – Я потеряла все...

На следующий день в гости заглянул Соколов. Принес фрукты с арбузом. Мать собрала на кухне стол. Но Оля к еде не притронулась.

– Вам, Ольга, на работу нужно выйти, – говорил ей Соколов. – Работа – лучшее средство от печали. Знаю это по себе. Когда жену потерял, только работа и спасала.

– Вот видишь, дочка, – поддакивала мать. – И я говорю,

что на работе легче станет.

– Иван Лаврентьевич, – особенно не прислушиваясь к его словам, спросила она. – Вы поймали убийцу?

– Ой, божечки! – всплеснула руками мать. – Что же ты опять за свое?!

– Это не так просто, – уклончиво ответил он. – Но мы работаем! Виновных найдем!

– А я вам скажу, кто его убил, – все также отрешенно произнесла Оля. – Его убил – Зуб.

– Ольга Матвеевна, – убедительным тоном произнес Соколов, – я вам советую: все эти домыслы – забудьте! Вам сейчас нужно силы восстановить. Цель в жизни нужно найти. Ольга, сейчас для вас это главное! И забудьте о прошлом хотя бы на время!

– Я ведь не машина, которую можно выключить.

– Да я понимаю тебя, Оля! Но чтобы жить дальше, тебе нужно забыть обо всем хотя бы на время... Послушай совет старика – забудь! Забудь и не вспоминай!

– Извините, я устала, – Оля вышла из-за стола. – Я пойду отдыхать.

Именно в этот момент она решила идти до конца.

Через несколько дней одна из подруг принесла ей склянку с плавиковой кислотой. И не подумала спросить, зачем она ей понадобилось.

Вечером в пятницу Оля собралась, повязала голову тем-

ным платочком и простилась с матерью.

– Мама, я пойду, – сказала она. – До встречи.

– Куда ты собралась, дочка?

– Мне нужно прогуляться.

– Вот и слава богу! Тебе давно уж воздухом подышать надо. Может, и встретишь кого.

– Да, – кивнула Оля и прошептала, переступив порог: – Прощай...

Она медленно шла по сумеречным улицам, не замечая ни встречных, ни знакомых. Остановилась только, когда подошла к крыльцу ресторана. Сердце подсказывало, что обязательно встретит здесь Зуба.

Она так долго стояла возле ресторана, что швейцар не выдержал, вышел на крыльцо и спросил неприветливо:

– Чего тебе?

– Что? – не сразу поняла она.

– Нужно тебе что, спрашиваю?! – повысил голос тот.

– Я Зуба хочу увидеть.

– Зуба?! – хмыкнул швейцар. – Хорошо, сейчас позову.

Он ушел и вернулся уже с Зубовым.

– Что-то я тебя не узнаю, – ухмыльнулся тот. – Кто такая?

– Я тебе долг принесла, – ответила Оля.

– От кого? – Зуб спустился ступенькой ниже.

– От мужа.

– И кто у нас муж? – Зуб сделал еще два шага вперед. – А мне личико твое знакомо. Не могу вспомнить, где виделись.

Ты чьих будешь?

Оля засунула руку в сумку и посмотрела ему в глаза.

– Ты меня не помнишь, – она вытащила склянку с кислотой и открыла ее. – А я тебя не забуду... – и выплеснула кислоту на Зубова.

– Что за... – он схватился за лицо. – Ах ты, курва!.. – он еще не понял, что плеснули в него не уксусом. – А! А-а! А-а-а! – спустя мгновение уже завопил, пытаюсь протереть глаза.

И еще громче него завопил швейцар...

– Что же вы, Ольга Матвеевна, наделали? – покачал головой Соколов. – Чудо будет, если Зубов выкарабкается. Но даже, если жив останется, вам исправительной колонии не избежать... И не дай бог вам увидеть, что с человеком сделали.

– А я ни о чем не жалею, – спокойно ответила она. – Он у меня все отнял, ваш Зуб. Я бы сейчас то же самое сделала. И потом сделала бы снова! И снова, и снова!

– Мне вас жаль, Ольга. Помочь вам уже никто не сможет... И все же мне вас жаль. Не доведись никому пережить такое... Но...

– Что «но»? – оборвала его Оля. – Вы в шкуре моей были? И оставьте вы меня в покое. Я так устала, – она закрыла глаза ладонью. – Так устала.

А потом был суд и годы в неволе: фуфайка с номерком, кирзовые ботинки и барак. И только синее небо над ее головой не отняли. Синее небо да косяки журавлей по весне да

по осени.

Вторую ночь Катю мучило сумеречное сновидение со странными картинками, похожими на плохо сохранившуюся киноленту. Катя понимала, что видит сон, и ощущала острое желание проснуться. Но сновидение не отпускало ее, цеплялось острыми коготками, дышало в лицо затхлыми, восставшими с дедовских погостов страхами. «Отпустите меня!»—вырывалась она из обволакивающих, мохнатых лап кошмара. Плакала: «Отпустите!..» И этот плач вдруг застрял занозой в ее ушах. С каждым мгновением он становился все громче и громче, и поглотивший ее кошмар наконец раскололся и отпустил.

Она не знала, сколько времени это продолжалось: минуту, пять минут, двадцать... У нее не было сил разлепить веки. И сил больше не было слышать пронзительный детский плач.

— Мам! — крикнула она, приподнявшись на локте. — Мам, Сонька плачет!

И окончательно пришла в себя.

Времени было около четырех часов утра. За окном висели сизые сумерки. Небо с вечера заволокло тучами.

Катя тяжело перевела дыхание. Выглядела она неважно, осунулась, под глазами лежали темные тени. Почти каждое утро она мучилась от головной боли, а мышцы рук и ног непривычные к домашней работе ныли.

Она прошла в детскую, взяла Соню на руки.

– Ну, что ты? Что ты расплакалась? Простынка у нас сухая. Ой – ей!.. Ой – ей!.. Ну, что ты? Успокойся, малыш! – они подошли к окну. – Скоро солнышко встанет! Видишь, птички уже проснулись. Слышишь, какие красивые песенки они поют?!

Соня успокоилась, а Катя продолжала говорить:

– Сегодня мы пойдем в парк. Там много ребяток! Там весело!

– Мама... – всхлипнула Соня.

– Соня, нам ведь с тобой хорошо, да? – она еще крепче обняла сестренку. – Маленькая ты моя... Как же я тебя люблю, – к ее горлу подступили слезы. – А сейчас мы с тобой покушаем. Ты ведь хочешь кушать?.. Сейчас мы с тобой умоемся и кашку есть будем. А плакать мы больше не будем! Потому что у нас с тобой все замечательно! А давай мы с тобой потанцуем!

Катя прошла в свою комнату, включила музыкальный центр и принялась танцевать с сестренкой на руках. Спустя минуту ее бледное лицо порозовело, а на губах появилась улыбка. Она снова подошла к окну и прошептала:

– Все замечательно... Все просто замечательно...

Они позавтракали. А потом прилегли в гостиной и незаметно задремали под мерцающие картинки и монотонные звуки телевизора.

Проснулась Катя от телефонного звонка. Звонил Шугуров. Времени было около девяти часов.

– Катя, здравствуй! Я сейчас поднимусь. У вас все в порядке?

– Да, все хорошо.

– Разбудил?!

– Нет.

Она прошла на кухню. Убрала со стола грязную посуду. И словно увидела себя со стороны: худенькую, уставшую и неприбранную. Поправила волосы. Вспомнила, как мама твердила каждое утро: «Нужно всегда выглядеть опрятно». И она только сейчас поняла, о чем говорила мама. Нельзя показывать людям слабость. Самоуважение – вот чему она учила ее.

Катя умылась и поправила одежду.

В дверь негромко постучали. По своему обыкновению, Николай Андреевич принес пакет продуктов.

– Здравствуй, Катюша. Давно не заходил. Закрутился немного. Как вы?

– Все просто замечательно!

– Это хорошо. Идем на кухню. Маргарита все-таки укатила в Италию?

– Да. Оставила деньги и улетела.

– Понятно. Горловы заходят?

– Нет. Я тоже не хочу их видеть.

– Ничего, скоро все образуется! Катюша, ты нас не забывай, звони! Если что-то понадобится или проблема какая-то возникнет, сразу звони! Деньги нужны?

– Нет, деньги есть. Нам пока хватит.

– Я через пару дней загляну, – кивнул Шугуров. – А ты не забывай – звони! Я должен знать, как у вас дела.

Он поднялся с табурета.

– Дядя Коля, я сейчас чай приготовлю.

– Нет, Катя, мне пора. На нашу красавицу одним глазком гляну!

Он зашел в гостиную и с улыбкой посмотрел на Сою.

– Гуляете?

– Каждый день.

– Ты с ней чаще гуляй. Тебе тоже свежий воздух нужен.

Выглядишь уставшей.

– Это с непривычки, – улыбнулась Катя. – Сейчас все нужно делать самой.

– Ничего. Все с этого начинали. И шишки набивали, и мозоли натирали. Все нормально. Так и должно быть. До свидания, – он поцеловал ее на прощание. – Берегите себя.

Катя проводила его до лифта и вернулась домой. На ее лице все еще играла улыбка. После смерти родителей она начала понимать и принимать тепло человеческих отношений. Все, что раньше казалось несущественным.

А Шугуров сел в машину, уперся руками в руль и прошептал:

– Что же ты, Маргарита, делаешь? Не боишься гнева божьего? Бог не Афонька – вывезет потихоньку.

Он еще какое-то время смотрел на гулявших во дворе ба-

бушку с внуком. Мальчику было года три. Он пинал по яркому мячику и со смехом бежал вслед за ним.

В окно машины постучали.

– Доброе утро, Коля.

И неожиданно Шугуров узнал в скромно одетом старике давнего знакомого. Без которого вся жизнь наверняка пошла бы по другой колее.

Он вышел из машины и с жаром пожал его все еще крепкую ладонь:

– Арнольд Павлович, здравствуйте! Сто лет не виделись!

Как вы?!

– Хорошо, Коля! Спасибо, хорошо!

– Почему же я вас раньше не видел здесь?! Садитесь в машину, Арнольд Павлович, – Шугуров открыл перед ним дверь. – Я обязательно должен познакомить вас с женой!

– С Людой я знаком. Прекрасная женщина. Тебе повезло.

– С Людой я развелся. Хочу познакомиться с Галей.

– Она наверняка тоже интересная и умная женщина, – после заметной паузы сказал старик. – Но вряд ли ей нужно такое знакомство. Не обижайся, Коля, но это лишнее.

– У вас все в порядке?

– Да. Жаль, что ты спешишь. Тебе уже пора ехать.

– Да, конечно, – в тон ему кивнул Шугуров. Его недавняя радость от неожиданной встречи сменилась разочарованием. – Может быть, еще свидимся. До свидания, Арнольд Павлович, – и пожал ему руку уже на прощание.

Он смотрел вслед старому мастеру боевых искусств и чувствовал, как утекает время. Внезапно над головой стало еще темней, и на город обрушился холодный ливень. Шел он пару минут, но все вокруг мгновенно вымокло. На дороге и тротуарах блестели лужи.

– Встретил знакомого, – говорил он спустя полчаса жене.
– Когда-то на него молились – был примером для нас.

– Да, это очень хорошо, – рассеяно кивнула она.

– А теперь это старый и больной человек, – продолжал говорить Шугуров. – И не очень счастливый, наверное.

– Да, Коля, – снова кивнула Галя. – Это очень интересно, но нам двоих грузчиков из цеха надо уволить. Пьют безбожно второй день. И еще одного с ночной смены на сахаре поймали.

– Кто такой?

– Ты его не знаешь, проработал две смены.

– За две смены научился воровать, – усмехнулся Шугуров. – Гони стервеца! И ни копейки денег! Права начнет качать, ко мне приведи.

– А как насчет грузчиков? Им замена прямо сейчас нужна.

– Я Баркову звякну – пару студентов пришлет. Можно и на лето взять, денег заработают. А ты даже про девочек не спросила.

– Но у них же все хорошо, – ответила она все также рассеянно. – Если понадобится, ищи в цехе. У меня по расчетам

недостача по кондитерской глазури образовалась.

– Да, конечно, иди, – кивнул Шугуров. – У меня тоже дел невпроворот.

После ухода Шугурова настроение у Кати пошло в гору. Вскоре проснулась Соня, и они принялись за уборку квартиры.

Закончив с этим, пообедали и стали собираться на прогулку.

– А давай к дяде Коле сходим! – улыбнулась Катя.

Они направились в центр города.

– Дядя Коля хороший, – приговаривала Катя. – Дядя Коля добрый. Ты ведь помнишь дядю Колю?!

– Дядя – добрый, – повторяла вслед за ней Соня.

Во дворах галдела детвора. В небо с шумом срывались стаи голубей. От сырого асфальта и газонов с непросохшей травой шла прохлада.

Машина Шугурова стояла возле ресторана. Катя поднялась на крыльцо и постучала в затонированную дверь. Николай Андреевич в это время находился в зале, увидел ее и радостно улыбнулся:

– Не ожидал! Я вас вот только что вспоминал, – он спустился с крыльца и заворчал по-медвежьи: – Кто это катается на моей коляске?! Кто?!

Соня заверещала от восторга и сделала попытку выскокить из нее. Шугуров поймал ее и перекинул через плечо.

– Все, сейчас ты от меня не сбежишь! Анечка! – окликнул девушку за стойкой бара. – Присмотри за ребенком! И покорми чем-нибудь, но только не конфетами. Иначе я кого-нибудь съем!

Соня снова завизжала от восторга и принялась сучить в воздухе ногами. Шугуров передал ее Ане и вместе с Катей поднялся в офис на втором этаже.

В его кабинете Катя посмотрела на стол отца и тут же отвернулась.

– Ты вовремя, – тем временем говорил он. – Сейчас к бухгалтеру ходим. Получишь деньги отца. Я ему за две недели должен остался.

– Я не за деньгами пришла, дядя Коля.

– Я знаю, – кивнул Шугуров. – Но деньги всегда кстати. Деньги лишними не бывают.

В этот момент в кабинете появилась его жена.

– А вот и Галя! А у нас гости!

– Я уже вижу, – кивнула она.

– Здравствуйте, Галина Сергеевна, – поздоровалась Катя.

– Здравствуй, – ответила та с подчеркнутым безразличием.

– Вот и Катюша до нас добралась, – с улыбкой приговаривал Шугуров.

– А я решила, что у нее опять что-то стряслось! – Галя села за свой стол.

– Что с тобой? – насторожился Шугуров. – Катя, извини,

мы тебя на минутку оставим.

Они вышли в коридор.

– Что с тобой?

– А не слишком ли отеческую заботу ты проявляешь?

– О чем ты говоришь? Я тебя понимаю все меньше и меньше! Девочки отца с матерью потеряли. А родственники у них сволочи! Девочкам сейчас не хватает самого главного – родительского тепла! Галя, ты же женщина.

– Именно поэтому мне кое-что непонятно.

– И что же ты имеешь в виду?

– Ты уже забыл, как мы познакомились? Ты был женат и счастлив, но через полгода бросил жену с детьми...

– Прекрати! – оборвал ее Шугуров. – Это уже клиника!.. Зайди в кабинет и внимательно, дорогая моя! Очень внимательно посмотри на этого несчастного ребенка... Ты себя с ней не равняй.

– Вот как?!

– Да, именно так! Ты знала, чего хотела! И добилаь своего! А теперь нет у меня ни времени, ни желания спорить с тобой!

Шугуров вернулся в кабинет.

– Еще одну минутку, Катя. Сейчас я кое-что проверю. И мы сходим к Софье Павловне, нашему бухгалтеру, – он надел очки и принялся перечитывать какой-то документ. – А потом мы с вами пообедаем вкуснятиной!

– Дядя Коля, – нерешительно начала Катя, – я хотела с

вами насчет работы поговорить.

– А институт? Ты же собиралась дальше учиться. И за Со-ней нужно следить. И работа тебе не всякая подойдет.

– Я согласна на любую, – кивнула она.

– Это ты сейчас так говоришь, – усмехнулся Шугуров. – Не спеши, Катя. Дай мне подумать... Наверно, у меня найдется работа для тебя.

Он открыл шкаф и задумчиво покрутил в руках меню.

– С компьютером ты знакома. Такие меню нам один человек делает. Но в последнее время он чем-то жутко недоволен. То одно его не устраивает, то другое. Говорит, что заказов полно... Если ты согласна взяться за это дело, я тебе на дом все необходимое привезу. Насколько я понимаю, работа нехитрая. Время от времени мы меняем ассортимент блюд, кое-что убираем, добавляем новые блюда. Самое главное, чтобы меню не было стыдно гостям предложить. Согласна попробовать?

– Конечно, – радостно кивнула Катя и снова замялась. – А сколько вы мне платить будете?

Шугуров рассмеялся:

– Не бойся, вас я не обижу! А вот ты до сих пор меня на «вы» величаешь, как чужого! Непорядок!

Из ресторана она вышла в приподнятом настроении. Соня уснула на руках.

– Хорошая ты моя, – улыбнулась Катя, убирая с глаз сестренки прядь волос.

В этот момент к ресторану с мерным грохотом подкатил мотоцикл. Мотоциклист выключил двигатель и снял шлем:

– Извини, не хотел напугать твоего ребенка.

– Ничего страшного. Она так устала, что теперь до вечера спать будет.

Он поставил мотоцикл на подножку и протянул Кате руку для пожатия. Светловолосый парень чуть выше среднего роста.

– Привет, я Артем! На работу приходила устраиваться? Я здесь тоже недавно работаю. По-моему, здесь неплохо.

– Катя, – она пожала его крепкую ладонь. – Кем работаешь?

– Поваром. Сейчас скажешь, что я не похож на повара. Почему-то все думают, что повар обязательно должен быть упитанным, вот с такой ряшкой, – он показал, какого размера должны быть щеки у нормального повара. Катя рассмеялась. – А я на самом деле неплохой повар. Если не веришь, приходи с мужем вечером. Оценишь сама.

– Нет у меня мужа, – усмехнулась Катя. – А это моя сестренка, а не дочка. Приятно было познакомиться, Артем.

Она развернула коляску.

– Катя, подожди! Постой... – он догнал ее. – Может, встретимся?

– Извини, – она высвободила руку. – Но мне сейчас не до этого.

Он проводил ее взглядом. На его губах так и застыла по-

ду улыбка.

– Что-то ты, парень, не весел, – весь вечер подшучивали повара. – Никак влюбился?!

«Неужели так заметно?» – думал он про себя.

Весь день перед его глазами стояло худенькое лицо темноволосой девчонки.

– Пора, парень! – солидно посмеивались мясники. – Глядишь, к осени пропьем тебя!

А он видел только ее глаза.

После работы Артем поставил мотоцикл на стоянку. Он снимал однокомнатную квартиру в панельной пятиэтажке. Вообще жил без нездоровой суеты – бича его сверстников. Друзей и однокашников жизнь за пару лет раскидала во все стороны. Кто-то нормально жил, а кто-то сколоться и помереть успел. Артем жизнь начал собирать по кирпичику.

Он прошел на кухню, сел на табурет и закрыл глаза. Трудно сказать, о чем он думал в этот момент. Но по его лицу блуждала счастливая улыбка.

– Прошу вас, Елена Ивановна! Присаживайтесь.

Ирина Витальевна Болотова, инспектор по делам опеки и попечительства, приветливо улыбнулась Горловой. Гостья села напротив ее стола.

– Я могу вас поздравить, остались формальности! Впрочем, племянницу вы можете забрать уже сегодня. С моральной точки зрения это не противоречит законам нашего об-

щества.

– Боюсь, что без вашей помощи и официальных бумаг мы с мужем не договоримся со старшей сестрой Сони. С бабушкой девочек мы пытались убедить ее, приводили различные доводы. Но она нас не слышит.

Выслушав ее замечание, Болотова принялась барабанить ручкой по столу.

– Ирина Витальевна, я не хочу создавать у вас превратное впечатление о Кате. Она хорошая и добрая девочка, – тут же поправилась Горлова. – Сестренку не обижает и пытается следить за ней. Но ведь это так тяжело – в одиночку заботиться о ребенке. Тем более в ее годы... Ирина Витальевна, я думаю, вы меня понимаете. И думаю, что очень скоро в жизни Кати появятся молодые люди. А ребенок станет обузой, – она снова сделала паузу. – А мы с мужем уже немолоды и обеспечены. Не гонимся за вещами и все свои силы посвятим воспитанию Сонечки.

– Елена Ивановна, – улыбнулась Болотова, – в вас я не сомневаюсь. Для воспитания Сони Малаховой лучшей кандидатуры не найти. И свое мнение я донесла до попечительского совета и до работников городского суда. В вас я абсолютно уверена. Если и доверить кому-то воспитание девочки, то только вам. Ребенка мы с вами заберем, когда будут готовы все необходимые документы. А если это будет необходимо, сделаем это при поддержке милиции, – и добавила после краткого размышления: – Меня радует желание вашей

племянницы воспитать сестренку самостоятельно. Но ей это не под силу. Из своего опыта я знаю, что ее намерение мотивировано желанием сохранить хоть какую-то часть своей семьи. Этот шаг непродуманный и импульсивный. Будет очень хорошо, если мы сможем объяснить ей это.

– Я не хочу ссориться с ней. Катя пока не думает ни о своем будущем, ни о будущем сестры. Вчерашняя школьница. Из-за родительской спины она настоящей жизни не видела. А потом она выйдет замуж. И неизвестно как муж отнесется к Соне. Скверное отношение на всю жизнь оставит душевные травмы. Не факт, что мужчина согласится воспитывать чужого ребенка. Потеряв семью один раз, Соня может лишиться ее снова. Вы согласны со мной?

– Да, – кивнула Болотова. – Вы, Елена Ивановна, извините меня. Мне нужно ехать в приют. Могу подвезти вас до дому, нам по пути.

Спустя несколько минут они вышли из здания городской администрации и сели в машину Болотовой.

– Сейчас такое время, – вздохнула та. – Страшное время! Когда очень многим детям лучше жить не с родителями, а с чужими людьми. Страшная правда! Страшная... То, что мы видим в некоторых семьях, – недопустимо! Иногда зверь выглядит милосердной человека. Я не понимаю, что заставляет людей относиться так к собственным детям. Издевательства, побои, изоляция. Дети голодают, ребенка могут опохмелить спиртным, чтобы он не просил хлеба.

– Ужас какой! – покачала головой Горлова.

– Буквально вчера в приют привезли девочку трех с половиной лет. Совсем как ваша Сонечка. В качестве наказания ее мамаша ставила ребенка на перловую крупу. Представляете, кроха стояла перед ней на коленях! – Болотова с трудом перевела дыхание. – Это в голове не укладывается!

– Ирина Витальевна, это чудовищно, – Горлова отвернулась к окну. – Я даже представить такое не могу. Вы ведь знаете, до замужества я несколько лет работала воспитателем в детском саду. Я знаю, какими непослушными и упрямыми могут быть дети. Я знаю, как трудно бывает с ними. Но как бы ни было, на ребенка поднимать руку нельзя.

– А вот и ваш дом, – Болотова свернула во двор и остановила машину возле подъезда Горловых. – Передавайте Василию Львовичу привет.

– Спасибо вам, Ирина Витальевна, – Горлова вышла из машины. – Спасибо вам за участие!

– Меня благодарить не за что! Это вам нужно сказать спасибо! Вы берете на себя труд воспитать чужого ребенка.

– Соня нам не чужая, – покачала головой Горлова. – До свидания, Ирина Витальевна.

– Всего хорошего, Елена Ивановна. До скорого свидания.

А Горлов тем временем отдыхал на квартире у любовницы.

С работы он уехал пораньше, чтобы провести время с

любимой женщиной и сыном. Впрочем, он занимал такую должность на медеплавильном заводе, что спросить с него было уже некому. Работал Горлов начальником отдела по охране труда и технике безопасности.

К Любе Стрекаловой он приезжал почти каждый день. Привозил продукты и сладости – баловал Егора. Только здесь он становился самим собой, не вьедливым бюрократом или человеком в футляре, каким считали его многие, а Васей Горловым – вятским мужиком, предки которого по плечи вросли в черную плодородную землю, а их потомков разбросало по всей Руси.

Уже шесть лет Василий Львович умудрялся скрывать от супруги свою связь. Но иногда его все же брало сомнение. И Горлову начинало казаться, что жена знает обо всем, но по какой-то причине закрывает на происходящее глаза.

– Все, что я делаю, – я делаю для вас, Люба, – говорил он любовнице. – Мне от жизни нужно немного. А в последнее время и вовсе кажется, что от жизни я взял уже все. Люба, я смотрю на сына и сам становлюсь моложе. И жду не дождусь того часа, когда смогу открыто назвать тебя женой, а Егора сыном!

– У папочки сегодня очень грустное настроение, – Люба обняла его. – А у нас с Егором денек прошел чудесно!

– Люба, как же я вас люблю! – проворковал Василий Львович, любуясь ею. – Нужно прожить мою тусклую и неинтересную жизнь, чтобы понять, как приятен каждый миг с лю-

бимыми. Я ведь этого никогда ей не говорил. Только тебе, Люба.

– А я уж думала, ты загрустил.

– Я так устал от вранья. Но бросить Лену вот так, тоже не могу. Подождем еще немного. Она возьмет племянницу на воспитание. А когда все устроится, я уйду от нее. Поделим имущество, я ей долю за квартиру отдам. Жить они все равно будут у Малаховых. А вы будете жить со мной!

– Вася, а нам это нужно? – вдруг спросила она. – Нас такая жизнь вполне устраивает.

– О чем ты говоришь?! Мы будем вместе, вместе! Только об этом я думаю и мечтаю! Наследник мой, сын!

Он подхватил Егора на руки и подбросил в воздух.

– Дядя Вася, дядя Вася! – заверещал тот. – А-а!

– Видишь?! – Горлов прижал Егора к себе и опустил его на пол. – Все скрываемся от людей. Прячемся! А я хочу, чтобы Егор меня отцом называл, а не дядей!

– Я тебя так понимаю, – улыбнулась Люба. – Завтра в деревню съездить хочу. Мама попросила приехать.

– Понятно, деньги нужны?

– Да, немного. Тысячи полторы.

– Люба-Люба, – пробормотал Горлов, отсчитывая сотенные. – Ты уже успела забыть, как людям деньги достаются.

– Вася, это не мне. Это для Егора.

– Разумеется, ты просишь для Егора! Я в этом не сомневаюсь. Вот деньги. Постарайся не потратить за два дня.

Люба с улыбкой взяла из его рук несколько сотен. Если бы Горлов знал, что она не потратит их, а положит на банковский счет, он бы наверняка задумался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.